

По поводу акта св. синода.

(Из бесѣды).

То, что синодъ сдѣлалъ официально, объявивъ по всѣмъ городамъ и всѣмъ о своемъ воспрещеніи чествовать юбилей гр. Л. Н. Толстого, министерство внутреннихъ дѣлъ и министерство народнаго просвѣщенія сдѣлали конфиденціально. Всѣ три вѣдомства дѣйствовали совершенно самостоятельно и сошлись на той общей точкѣ зрѣнія, что гений художника не искушаетъ ошибочности богословскихъ разсужденій и проповѣди антигосударственности. Министерство же народнаго просвѣщенія обосновало свое запрещеніе на давнемъ циркулярѣ, что всякое учебное заведеніе можетъ чествовать лишь лицо, имѣющее къ нему соприкосновеніе. Очевидно, гениальный русскій писатель никакого прикосновенія къ русскимъ учебнымъ заведеніямъ имѣть не можетъ. Но на чемъ же основанъ слухъ, проникшій въ общество, будто бы кабинетъ смущенъ распоряженіемъ синода? Очень неохотно на эту тему разговариваютъ лица, прикосновенныя къ правительственнымъ и синодальнымъ сферамъ. Повидимому, первыя были бы очень не прочь, чтобы весь шумъ сосредоточился около энциклики синода. Въ синодскихъ сферахъ вовсе не чувствуютъ себя неправыми: мы поступили такъ, какъ должны были поступить — церковь не подчинена правительству. Оберъ-прокуроръ не обязанъ былъ докладывать о предполагаемой энцикликѣ совѣту министровъ.

Однако, при дальнѣйшихъ бесѣдахъ съ лицами, прикосновенными къ синодальнымъ сферамъ, выходитъ будто бы и такъ, что синоду было извѣстно о принятыхъ уже мѣрахъ къ запрещенію празднованія юбилея по министерству внутреннихъ дѣлъ. Съ другой стороны, указывается на то, будто бы синодъ самъ не принялъ бы рѣшенія, если бы не прямо обращенная къ нему просьба кіевскаго миссіонерскаго съѣзда. Съѣздъ этотъ состоялъ изъ 500 членовъ, — могъ ли синодъ не внять ихъ просьбъ? Вдобавокъ еще подкрѣпленный авторитетомъ трехъ митрополитовъ и тридцати епископовъ? Развѣ это не мнѣніе значительной части духовенства? Синодъ даже смягчилъ тѣ мѣры, которыя рекомендовались съѣздомъ въ отношеніи гр. Толстого. И притомъ синодъ самъ въ нѣкоторомъ родѣ почтилъ Толстого, начавъ свою энциклику съ перечисленія заслугъ его, какъ беллетриста. Наконецъ, синодъ вовсе не воспрещалъ чествованія юбилея маститаго писателя, а лишь предостерегалъ православныхъ христіанъ отъ заблужденія возвеличивать человека, который поносилъ открыто православную церковь. Вопросъ этотъ вовсе не такъ простъ, какъ можетъ показаться со стороны, — говорили мнѣ мои собесѣдники. — Положеніе синода въ этомъ вопросѣ было

очень тяжелое. Промолчи онъ — его бы могли упрекнуть въ небреженія своимъ прямымъ пастырскимъ дѣломъ. А что бумага за номеромъ, такъ что жъ тутъ удивительнаго? Въ синодѣ бумагъ много. Безъ номера могла бы и затеряться.

Грустное впечатлѣніе выношишь изъ всѣхъ подобныхъ бесѣдъ. Въ подобномъ актѣ громадной важности, повидимому, на первомъ планѣ стояли какія-то канцелярскія соображенія вынужденности. Синодъ не только кладетъ свое veto на чувства и мысли русскаго общества въ отношеніи своего чтимаго писателя, онъ не прочь вмѣшаться и въ другія дѣла. Такъ, мнѣ передавали, что жалоба московскихъ монархическихъ партій на профессора каноническаго права протоіерея М. И. Горчакова, члена Государственнаго Совѣта, возымѣла свое дѣйствіе. Членъ Государственнаго

Совѣта проф. Горчаковъ признался, будто бы, въ Государственномъ Совѣтѣ при разсмотрѣніи вопроса о вознагражденіи депутатовъ слова: „Я стою за констатацию“. И вотъ монархическія общества т. Москвы, не больше и не меньше, какъ просятъ синодъ отставить прот. Горчакова и отъ званія члена Государственнаго Совѣта, и отъ профессуры. И что же, синодъ принялъ къ исполненію и эту бумагу, подписанную ужъ не митрополитами и не епископами, а просто чиновникомъ цензурнаго вѣдомства, онъ же какое-то должностное лицо монархическихъ партій. Профессоръ прот. М. И. Горчаковъ, какъ мнѣ передавали, получилъ конфиденціальное предложеніе дать объясненіе по существу сказанныхъ имъ словъ. Такимъ образомъ, синодъ предполагаетъ дѣлательно слѣдить за образомъ мыслей не только простыхъ мірянъ, но и членовъ законодательныхъ учреждений.

Г—тъ.

Речи 27-го Авг. 1908

Къ юбилею Л. Н. Толстого.

Телеграмма Л. Н. Толстому отъ горада Петербурга.

Согласно порученію городской думы, городской голова Н. А. Рѣзцовъ совместно съ председателемъ комисіи по народному образованію П. А. Потѣхнымъ и гл. М. М. Стасюлевичемъ выработалъ слѣдующій текстъ телеграммы, которая будетъ послана Льву Николаевичу Толстому въ день 80-лѣтія со дня его рожденія:

„С.-Петербургская городская дума, въ своемъ послѣднемъ передѣ лѣтними вакаціями засѣданіи единодушно поручила мнѣ принести вамъ отъ имени города С.-Петербурга горячее поздравленіе въ день наступленія 80-лѣтія вашей жизни, всемірно прославленной великими твореніями въ области отечественнаго слога и посвященной неуныннымъ личнымъ трудамъ и сердечнымъ заботамъ о просвѣщеніи и благоденствіи младшей братіи. По возобновленіи, послѣ лѣтнихъ вакацій, собраній городской думы первое засѣданіе будетъ посвящено обсужденію вашихъ работныхъ уже, по порученію думы, предложеній объ украшеніи вашего имени новыхъ городскихъ учрежденій, служащихъ дѣлу народнаго образованія и благотворенія, какъ наиболее близкихъ вашему любвеобильному сердцу. Спб. городской голова Н. Рѣзцовъ“.

С.-Петербургскій родительскій кружокъ предполагаетъ посвятить свое первое засѣданіе, назначенное на 13 сентября, Л. Н. Толстому. Намѣчено нѣсколько докладовъ: „Л. Н. Толстой и религіозное воспитаніе“, „Вопросы обученія въ сочиненіяхъ Л. Н. Толстого“ и др..

Въ день юбилея петербургскій родительскій кружокъ поздравляетъ Л. Н. Толстого телеграммой.

26-го августа с.-петербургское филологическое общество послало къ Ясну Полянѣ роскошно исполненный привѣтственный адресъ Л. Н. Толстому.

Какъ намъ сообщаютъ, въ телеграфныхъ учрежденіяхъ особенно ощущается приближеніе для юбилея Л. Н. Толстого. Множество телеграммъ отправляется изъ Петербурга съ поздравленіями уже теперь.

Речи 27-го Авг. 1908

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 27 августа.

Завтра, наконецъ, наступаетъ рѣдкій праздникъ. Извѣстія послѣднихъ дней вновь воскресили тревогу за здоровье великаго юбиляра, но опасенія оказались, къ счастью, ложными, и вся Россія будетъ имѣть счастье привѣтствовать и преклониться передъ своимъ гениальнымъ писателемъ, который своими твореніями поднялъ русскую литературу на недостижимую высоту.

Такой праздникъ скупая судьба даритъ народамъ однажды въ столѣтія, а Россіи впервые придется переживать 80-лѣтнюю годовщину художника слова. Что же мудренаго, если наша бюрократія растерялась и не сумѣла найти той позиціи, которую ей приличествовало бы занять. Юбилей Толстого! Гдѣ же взять „примѣрное дѣло“, которое составляетъ альфу и омегу бюрократической мудрости и отъ котораго она только и умѣетъ танцевать.

Можно было бы, правда, за отсутствіемъ отечественныхъ образцовъ обратиться на Западъ и поразузнать, какъ тамъ дѣлается въ такихъ случаяхъ. Въ послѣднее время международное общеніе сдѣлало такіе успѣхи, что представилось возможнымъ, къ значительной выгодѣ бюрократіи, расширить предѣлы командировочныхъ областей. Но въ данномъ случаѣ иностранные цвѣтки оказались бы совсѣмъ неподходящими для русской почвы. Вѣдь тамъ— всѣ сочиненія Толстого печатаются и — въ опроверженіе поговорки: что русскому здорово, то нѣмцу

смерть—тамъ отъ этого общественная безопасность не пострадала, а у насъ только благодаря бдительности начальства никакой государственной катастрофы не случилось! Поэтому имъ за границей ничего не стоитъ праздновать юбилей русскаго гения, тамъ все это очень просто выходитъ: уже и сейчасъ, какъ читатель можетъ убѣдиться изъ помѣщаемыхъ ниже иностранныхъ извѣстій, газеты и журналы полны статей о Толстомъ, интервьюеры описываютъ свое пребываніе въ Ясной Полянѣ, печатаются фотографіи, изображающія бытъ и обстановку писателя, ставятся пьесы въ театрахъ. А въ самый день юбилея будутъ и рефераты, и собранія, и пренія, со всѣхъ концовъ міра полетятъ телеграммы, пріѣдутъ страстные поклонники. Тамъ все это просто и ясно, и никто не вмѣшивается и не тревожится даромъ, что не имъ принадлежитъ этотъ гений, что его взростила русская земля, чтобы „не заглохла нива жизни“.

У насъ, очевидно, эти порядки непримѣнимы, и вотъ почему даже и суррогата „примѣрнаго дѣла“ налицо не оказалось и приходилось пробираться впередъ ощупью. Тѣмъ не менѣе, и у насъ вышли съ честью.

Сначала правительство разрѣшило съѣздъ представителей печати для обсужденія вопроса о способахъ чествованія юбилея; этимъ самымъ уже предполагалось, что празднованіе не встрѣтитъ никакихъ формальныхъ препятствій. Дѣйствительно, и обсужденіе и сборъ пожертвованій велись безпрепятственно и, если не считать легкаго инцидента съ отказомъ въ легализаціи общества имени Толстого, когда администрація выступила для огражденія имени писателя отъ посягательствъ на него со стороны видныхъ русскихъ литераторовъ, то, насколько, по крайней мѣрѣ, можно видѣть невооруженнымъ глазомъ, все шло гладко. Что дѣлалось за кулисами, разсылались ли какіе-нибудь циркуляры и какіе именно остается пока неизвѣстнымъ. Хорошо и то, во всякомъ случаѣ, что это дѣлалось подъ спудомъ, что передъ лицомъ Толстого сочли все-таки нужнымъ вернуться къ добрымъ старымъ доконституціоннымъ временамъ, когда стѣснялись обнажать наготу свою. Но тутъ уже *saufасон*—выпалъ „мавр“, который не хотѣлъ, конечно, упустить столь благоприятнаго случая, чтобы показать себя во всемъ блескѣ, и у насъ звучать еще въ ушахъ тѣ дикіе крики и завыванія, которыми онъ огласилъ Кіевъ и которые ворвались на миссіонерскій съѣздъ.—Крики были настолько громки, что они не могли не быть услышаны мѣстными властями; циркуляры посылались, какъ изъ рога изобилія, причемъ, какъ всегда, началось состязаніе, и гг. администраторы старались превзойти другъ друга. А затѣмъ... громыхнуло посланіе синода, которое оглушило даже „Новое Время“ и гг. Громобоевъ, кажется, уже ко всему привыкшихъ и ни отъ какихъ щелчковъ не качающихся. И наконецъ, для довершенія картины газеты запестрѣли извѣстіями о томъ, что произошло какое-то недоразумѣніе, да еще не во время, и „изъ достовѣрныхъ источниковъ“ увѣряютъ, что „мѣстныя власти перешли намѣченную грань“, подчеркивая отсутствіе оберъ-прокурора при постановленіи опредѣленія св. синода. Завтра еще послѣдуютъ опроверженія, все будетъ приписано интригѣ кадетъ, въ двухъ трехъ мѣстахъ наложатъ штрафы на газеты...

Рѣдкій, единственный праздникъ послала скупая судьба Россіи, и бюрократія, съ сознаніемъ исполненнаго долга, можетъ сказать себѣ, что она не пропустила момента, чтобы сдѣлать себя замѣтной, чтобы не забыли о ней и въ ту исключительную минуту, когда всѣ мысли несутся къ гениальному писателю, когда всякій русскій преисполненъ гордостью, что завтра его родина служитъ центромъ благодарнаго вниманія и почтительнаго признанія всего міра.

Росс 27 Авг. 1908

Тяжелыя боковыя двери зала медленно отворились, и водворили тишину. На эстраду поднялась женщина, блѣдное молодое лицо, полуоткрытые утомленные глаза, безсильно висящія руки, одѣтыя въ черныя метелки, открытая грудь, красныя розы.

— Здравствуйте, Трильби!..

Никто этого не сказалъ, но всѣ думали... Свенгали,—изящный блондинъ. (Это ново, — мы знали доселѣ жгучаго брюнета), съ высушеннымъ, выгорѣвшимъ лицомъ, острый, повелительный взглядъ, нервныя движенія...

— Господа, задумайте что-нибудь... Она будетъ читать ваши мысли!..

Свенгали залѣпилъ измученные глаза женщины пластыремъ, и окуталъ ея лицо чернымъ полотенцемъ.—Она ничего не видитъ!.. Но шагъ ея будетъ вѣренъ...

Задумали... Свенгали коротко свиснулъ, Трильби испуганно дернула плечами, часто заколыхалась грудь, сжались нѣжныя красивыя губы, и уже не раскрывались...

Она быстро сошла съ эстрады, заметалась по залу съ протянутыми впередъ руками. Пальцы тревожно ощупывали воздухъ, что-то осязали, и вели ее...

Трильби прошла въ ряды публики, оставилась у стула Ф. Ф. Фидлера. Она нѣсколько разъ провела руками по его платью... жестомъ приказала ему встать, засуетилась...

— Plus vite, plus vite,—прикрикивалъ на нее Свенгали, всосавшись липкимъ взглядомъ въ ея сторону.

Задача, видно, не давалась вначалѣ женщины. Раздался короткий свистокъ Свенгали, Трильби вздрогнула, судорожно замахала руками... задуманное прочитано ею...

Она вынула изъ кармана Ф. Ф. конвертъ, разыскала въ немъ медальонъ Толстого, поспѣшила къ мѣсту, гдѣ сидѣлъ В. И. Немировичъ-Данченко и прижала медальонъ къ его сердцу.

Зрители поражены, Трильби возвращается, порывисто дыша, на эстраду...

Второй опытъ... На полу проведена мѣломъ — извилистая линія, въ нѣкоторыхъ точкахъ ея написаны отдѣльныя слова: «Левъ Толстой», фамилія одной изъ присутствующихъ на сеансѣ и др.

Трильби проходить по этой линіи, какъ бы ощупывая ногами буквы и громко произносить каждое слово...

Номеръ имѣетъ большой успѣхъ.

Точно также она продѣлала нѣсколько другихъ комбинацій, изобрѣтенныхъ зрителями, почти въ каждомъ случаѣ до тонкостей угадывая желанія присутствующихъ, которые заставили даже несчастную протанцовать польку. И вздрагивающее тѣло кружилось въ веселомъ танцѣ — жестоко и жутко!

Сеансъ законченъ... Свенгали снялъ повязку съ лица Трильби, сорвалъ пластырь съ ея глазъ, откинулъ ея голову, провелъ руками по вѣкамъ...

Амнистія.

Неожиданно, точно съ неба свалившаяся амнистія «старому крамольнику и эмигранту» И. С. Тургеневу со стороны «Россій», «Новаго Времени» и даже «Русскаго Знамени» не могла не повергнуть насъ въ крайнее недоумѣніе, и мы, со свойственной всѣмъ интервьюерамъ любознательностью, немедленно рѣшили выяснить себѣ исторію и причины этой амнистіи.

Счастье намъ улыбнулось. Наши «сферическія» путешествія не остались безрезультатны; намъ удалось видѣть протоколы засѣданій относительно тургеневской амнистіи, удалось бесѣдовать по этому поводу со свѣдущими лицами, и исторія этого многозначительнаго факта представилась намъ въ слѣдующемъ видѣ.

Какъ и всегда, началось съ предсказаній Демчинскаго о погодѣ.

Онъ писалъ:

«...Съ середины августа на С.-С.З. ожидаются значительныя атмо-«сферическіе» осадки съ градомъ репрессій, на С.-С.В.—либеральный штормъ, вопреки показаніямъ на реакціонныя дуновенія сверху; на Ю. (приблизительно около Царицына) промелькнетъ комета Илюдора—народная примѣта—«къ кровотеченію»; въ 20-хъ числахъ—неблагополучно по холерѣ на Ю.-В.В.; тѣ же числа объявляются неблагополучными по Тургеневу. Конецъ августа непремѣнно толстовскій...»

Потомъ слѣдовалъ рисунокъ съ какими-то кривыми среднихъ партійныхъ температуръ и пр., и пр.

Въ «Русск. Знам.» произошелъ страшный переполохъ. Готовились только къ одному толстовскому юбилею, и только для него одного выписали къ руководству сотрудниковъ «Новѣйшій словарь отечественной диалектологіи съ метеорогнозіей по восходящей и нисходящей линіямъ». А тутъ, какъ на грѣхъ, предсказывали еще и Тургенева.

Въ довершеніе всѣхъ бѣдъ, Александръ Ивановичъ еще не возвратился съ провинціальныхъ гастролей и, по телеграфнымъ свѣдѣніямъ, застрялъ гдѣ-то въ Елисаветградскомъ уѣздѣ безъ сборовъ.

Положеніе было поистинѣ трагическое.

О новомъ врагѣ необходимо было извѣстить отдѣлы и подотдѣлы, а предугазаній главной расправы, гастролировавшей вмѣстѣ съ Дубровинымъ на сей предметъ не имѣлось.

Оставалось одно — телеграфировать съ оплаченнымъ отвѣтомъ Дубровину.

Такъ и сдѣлали.

Запросили: «Что дѣлать съ Тургеневымъ? Ожидается въ августѣ».

Получился отвѣтъ, но тоже вопросительный:

«Съ какимъ Тургеневымъ? Можетъ, съ тѣмъ самымъ, что написалъ «Угаръ» или «Пожаръ»?.. Точно не помню».

Отвѣтили: «Никакъ нѣтъ. Написалъ «Дымъ»».

«Все равно, герценштейновецъ, разъ онъ за иллюминацію»,—отвѣчалъ Дубровинъ.

Больше денегъ на телеграфные разговоры не было. Приходилось дѣйствовать на свой страхъ и рискъ.

Пожертвовали частью лексикона, предназначеннаго для Толстого, и написали:

«Жидовскія и масонскія штуки не прекращаются. Грозить новый шабашъ проклятой гидры революціи. «Они» желаютъ прославить какого-то дерзкаго писаку изъ ихъ лагеря, И. Тургенева (на самомъ дѣлѣ —Ипка Тургеневеръ).

Православные люди, возможно-ли допустить наглое кощунство прославленія зазнавагося іудея, который въ защиту своего соплеменника Герценштейна общалъ обратитъ въ «Дымъ» «Дворянскія гнѣзда» и въ самодовольной «Пѣснѣ торжествующей любви» къ «швабодѣ» грозилъ какими-то «Вешними водами» ледяной корѣ національнаго чувства и народнаго негодованія?

Истинные патриоты! Вы сами знаете, какъ нужно встрѣтить этотъ новый походъ нафаршированной бомбами наглою шуки противъ русскаго благополучія и усто-евъ!»

Затѣмъ событія пошли съ головокружительной быстротой.

Пріѣхалъ, по способу Тимошкина, Дубровинъ съ главной расправой; Меньшиковъ и Шаратовъ пригласили его на совѣтъ для обсужденія способовъ борьбы съ эпидемическими юбилеями и празднованіями памяти русскихъ писателей!

И на этомъ совѣтѣ Меньшиковъ предложилъ остроумнѣйшую комбинацію.

— Господа!—сказалъ онъ.—Наша цѣль—воспрепятствовать пропагандѣ имени и произведеній великихъ писателей, борющихся за свободу русскаго народа.

Мнѣ кажется, радикальнѣйшее средство для этого, какъ разъ обратное тому, котораго мы держимся.

Возьмите хоть примѣръ съ Толстымъ. Наше ярое негодованіе противъ него лишь увеличиваетъ общественныя симпатіи къ нему.

Поступимъ же теперь наоборотъ. Амнистируемъ Тургенева. Выскажемся за него. Не можетъ быть, чтобы наше прикосновеніе къ имени писателя не запачкало его въ глазахъ общества и прогрессивной печати!..

Раздалися оглушительные аплодисменты.

Аплодировали не только специально прикомандированные изъ 4-ой роты союзные клаверы, но выражалъ бурный восторгъ самъ Дубровинъ.

— Запачкаемъ!.. Клянусь честью, запачкаемъ!..—захлебывался онъ въ приливѣ чувствъ.—Не пощадимъ!..

И вдругъ вскочилъ, словно ужаленный новой блестящей идеей.

— Зачѣмъ одного только Тургенева?.. Нешто намъ другихъ жалко?.. Марать, такъ марать!.. Пачкать, такъ пачкать!.. Запятнаемъ же и Пушкина, и Гоголя, и Лермонтова!

Чѣмъ окончилось засѣданіе, неизвѣстно: послѣдніе листы стенографическаго отчета засѣданія скурены дружечниками на цыгарки.

Но на слѣдующій день въ списокъ сотрудниковъ «Русскаго Знамени» были напечатаны: «И. С. Тургеневъ. А. С. Пушкинъ, Н. В. Гоголь и М. Ю. Лермонтовъ».

... Мертвые срама не имуть...

Братья Шулаковы.

5.8. 27го Авг. 1908

Сегодня прибылъ въ Москву на «толстовскій день» американецъ мистеръ Райтъ, личный другъ Л. Н. Толстого, не разъ уже бывавшій въ Ясной Полянѣ. Завтра утромъ онъ выѣзжаетъ въ Ясную Поляну, гдѣ пробудетъ нѣсколько дней.

5.8. 27го Авг. 1908

Къ 80-лѣтію Л. Н. Толстого.

По порученію городской думы, городской голова, Н. А. Рѣзцовъ, совместно съ М. М. Стасюлевичемъ и председателемъ комисси по народному образованію П. А. Потѣхинымъ, выработали слѣдующій текстъ телеграммы, которая будетъ послана въ Ясную Поляну въ день 80-лѣтія со дня рожденія Льва Николаевича Толстого:

«С.-петербургская городская дума, въ своемъ послѣднемъ передъ лѣтними ваканціями засѣданіи, единодушно поручила мнѣ принести вамъ, отъ имени города С.-Петербурга, горячее поздравленіе въ день наступленія 80-лѣтія вашей жизни, всемірно прославленной великими твореніями въ области отечественнаго слова и посвященной неусыпнымъ личнымъ трудамъ и сердечнымъ заботамъ о просвѣщеніи и благоденствіи младшей братіи.

По возобновленіи послѣ лѣтнихъ ваканцій собраній городской думы, первое засѣданіе будетъ посвящено обсужденію выработанныхъ уже, по порученію думы, предположений объ украшеніи вашимъ именемъ новыхъ городскихъ учреждений, служащихъ дѣлу народнаго образованія и благотворенія, какъ наиболѣе близкихъ вашему любвеобильному сердцу.

С.-петербургскій городской голова
Н. Рѣзцовъ».

Варшавскій комитетъ по дѣламъ печати пригласилъ редакторовъ всѣхъ польскихъ газетъ, выходящихъ въ Варшавѣ.

Редакторамъ было сдѣлано внушеніе въ томъ смыслѣ, чтобы въ день юбилея Толстого въ статьяхъ была соблюдена извѣстная мѣра. Газетамъ разрѣшено входить въ оцѣнку лишь литературной дѣятельности Толстого и, по возможности, не касаться его философскихъ и публицистическихъ трудовъ.

Анкета о Л. Н. Толстомъ.

Къ юбилею Л. Н. Толстого давно уже готовится печать въ культурныхъ государствахъ всего міра. Можно безъ преувеличенія сказать, что имя русскаго великаго писателя на устахъ у всѣхъ, вездѣ, гдѣ работаетъ печатный станокъ и гдѣ люди читаютъ газеты или брошюры. Однимъ изъ органовъ вѣнской печати, газетою «Zeit», по

примѣру французскихъ, англійскихъ и американскихъ журналовъ, предпринята анкета о Л. Н. Толстомъ.

Пока, какъ уже знаютъ читатели изъ помѣщенной у насъ вѣнской телеграммы, опубликованы отзывы немногихъ выдающихся представителей науки, литературы и искусства. Вотъ что пишетъ румынская королева Елисавета, извѣстная въ литературѣ подъ псевдонимомъ Карменъ Сильва:

«Изъ всего, что написано великимъ поэтомъ и человѣкомъ, сильнѣйшее впечатлѣніе произвели на меня его небольшіе народные рассказы.

Эти произведенія я считаю наиболѣе совершенными. Я нахожу, что отъ окончательнаго приговора должны воздержаться всѣ тѣ, кому не дано читать Толстого на его родномъ языкѣ, ибо даже лучший переводъ все же своего рода убійство, и было бы слишкомъ смѣло выступать со своимъ мнѣніемъ тамъ, гдѣ благородный матеріалъ языка окутанъ для насъ тайной.

120
«Но въ народныхъ разсказахъ мысль писателя, мнѣ кажется, доходитъ до насъ во всей чистотѣ, независимо отъ художественной формы. Здѣсь предъ нами высшее искусство, которое безсмертно, какъ творчество Данте, Шекспира и Гете, какъ Библія, ибо здѣсь вѣчная правда, которая не можетъ страдать отъ перевода. Здѣсь такая глубина чувства, такая тоска по высшей любви, что можно читать и перечитывать, каждый разъ открывая все новыя и новыя дивныя красоты. Народные рассказы Толстого, это — та книга, которую хочется имѣть, какъ Евангеліе, когда лежишь на смертномъ одрѣ. Въ бессонные часы невольно протягиваешь руку къ ней. Съ удивленіемъ замѣчаю, что объ его объемистыхъ произведеніяхъ говорить гораздо больше, чѣмъ объ этихъ небольшихъ брилліантахъ, единственныхъ въ своемъ родѣ. «Два старика», «Много-ли человѣку земли нужно» вѣчны, какъ Библія. Въ нихъ онъ достигаетъ того, къ чему стремился: высшаго идеальнаго христіанства, глубокаго внутренняго человѣческаго чувства. Можно только со слезами на глазахъ отложить эту маленькую книжечку и снова взять ее въ руки, чтобы прочитать своему несчастному другу, чтобы утѣшить каждаго, кто страдаетъ. Если бы Толстой ничего другаго не написалъ, кромѣ народныхъ разсказовъ, онъ принадлежалъ бы къ величайшимъ писателямъ всѣхъ временъ. Тотъ, кто это написалъ, никогда не волновался ни одной низменной мыслью. Это истинный другъ страждущаго человѣчества, это истинный христіанинъ, а велико-ли число людей, которыхъ такъ можно назвать. Для меня народные рассказы и сказки, величайшее, наиболѣе совершенное изъ всего, что написано великимъ мастеромъ».

Эленъ Кей пишетъ:

«Преклоняюсь предъ Толстымъ — поэтомъ. Я вижу въ немъ величайшаго изъ нынѣ живущихъ повѣствователей о человѣкѣ. Его ясновидящій глазъ, его отзывчивая душа проникаютъ въ глубины человѣческой природы, и сила его художественнаго творчества одинаково совершенна, когда онъ раскрываетъ предъ нами тайну того, что нарождается, тайну того, что есть, тайну того, что проходить, или когда онъ рисуетъ внѣшнія событія всемірно историческаго значенія, или когда онъ схватываетъ мелкія явленія повседневной жизни. Реализмъ и идеализмъ такъ тѣсно въ его произведеніяхъ переплетены, какъ лишь у немногихъ величайшихъ поэтовъ. Вотъ почему произведенія его дивнаго искусства настолько же вѣчны, насколько вліяніе его апостольства кратковременно».

Извѣстная проповѣдница международнаго мира, Берта фонъ-Сутнеръ, пишетъ:

«Я не могу сказать, что Толстой вліялъ на мою литературную дѣятельность, такъ какъ я познакомилась съ его произведеніями слишкомъ поздно, когда мои главныя работы уже были напечатаны. И съ чувствомъ глубочайшаго удовлетворенія я увидѣла, что столь могучій умъ, столь гениальный художникъ защищаетъ тотъ самый принципъ, которому я посвятила свои скромныя силы: борьба противъ войны.

Что я больше цѣню въ Толстомъ, писателя или апостола? Я тутъ различія дѣлать не могу. Его искусство держится на его идеяхъ, а его апостольство дѣйствуетъ черезъ силы его искусства. Это все равно, какъ если бы меня спросили, какой тонъ правится вамъ больше, въ томъ или другомъ аккордѣ. На это я отвѣта дать не могу. Чудесное заключается, именно, въ созвучіи, въ гармоніи».

Драматургъ Франкъ Ведекиндъ ограничился немногими строками:

«Я считаю Анну Каренину» самымъ значительнымъ романомъ, какой написанъ со времени появленія Донъ Кихота. Съ тѣхъ поръ, какъ умеръ Ибсенъ, Толстой величайшій изъ живущихъ писателей».

Въ заключеніе два слова Франца фонъ-Штука:

«Въ Толстомъ я всегда больше чувалъ апостола, чѣмъ поэта. Даже въ его сильнѣйшемъ произведеніи «Власть тьмы» я всегда чувалъ гораздо больше воспитательную тенденцію, чѣмъ художественное намѣреніе. Я не могу сказать, чтобы Толстой сколько-нибудь замѣтно вліялъ на мое собственное развитіе».

Б.В. 27-11-1908

В. Г. Короленко о Л. Н. Толстомъ.

Въ вышедшей только что августовской книгѣ «Русскаго Богатства» мы находимъ великолѣпный критическій этюдъ о Л. Н. Толстомъ, написанный В. Г. Короленко.

Богатыри нашихъ былии дѣлились на старшихъ и младшихъ. Безъ особой натяжки такое же дѣленіе можно установить въ русской литературѣ. Если представителямъ и наиболѣе могущественнымъ и славнымъ изъ старшихъ богатырей родного слова слѣдуетъ по справедливости признать Л. Н. Толстого, то не менѣе правъ имѣетъ В. Г. Короленко на наименованіе одного изъ самыхъ видныхъ младшихъ богатырей.

Приводимъ основныя положенія статьи В. Г. Короленко.

* * *

Толстой—огромный художникъ, какіе рождаются вѣками, и творчество его кристально чисто, свѣтло и прекрасно.

Миръ Толстого, это—миръ, залитый солнечнымъ свѣтомъ, простымъ и яркимъ, миръ, въ которомъ всё отраженіе по размѣрамъ, пропорціямъ и свѣто-тѣни соответствуетъ явленіямъ дѣйствительности, а творческія сочетанія совершаются въ соответствии съ органическими законами природы... Надъ его пейзажемъ, залитымъ свѣтомъ дня, несутся облачныя пятна, есть людская радость и печаль, есть грѣхи, преступленія и добродѣтели... И всё эти образы, трепещущіе жизнью, движеніемъ, кипящіе человѣческими страстями, человѣческой мыслью, стремленіями ввысь и глубокими паденіями, созданы въ полномъ соответствии съ творчествомъ жизни, ихъ размѣры, ихъ окраска, пропорціи ихъ взаимнаго распредѣленія отражаютъ точно и ясно, какъ экранъ подъ прямымъ зеркаломъ, взаимотношенія и свѣто-тѣни дѣйствительности. И все это отмѣчено печатью гармоническаго духа, свѣтитъ внутреннимъ свѣ-

томъ необыкновеннаго воображенія и никогда не устающей бодрой мысли.

Но кромѣ этой вѣрности, чистоты и прозрачности образовъ, поразительна еще ширина творческаго захвата, огромность художественнаго горизонта Толстого.

Художественный захватъ Толстого это не тропа, не протѣка, не лента дороги. Это огромный, далеко и широко раскинувшійся кругозоръ, лежащій передъ нами во всемъ своемъ неизмѣримомъ просторѣ, съ изгибами рѣкъ, пятнами лѣсовъ, дальними селами. Подойдите ближе въ любомъ мѣстѣ, и передъ вами зашумитъ многоголосный, живой говоръ толпы. Еще ближе—и вы увидите изъ нея отдѣльныхъ людей. И все это живетъ собственной, полной, настоящей жизнью, кипучей, своеобразной и многообразной...

Въ произведеніяхъ Толстого-художника нашла отраженіе вся наша жизнь, начиная отъ царя и кончая крестьяниномъ. Въ «Войнѣ и мирѣ», нахривѣрь, есть поразительно яркий и реальный образъ царя въ лицѣ Александра I-го. Это съ одной стороны. На другой—мы имѣемъ почти безсловесныхъ солдатъ Каратаева и мужика Азима. Между этими крайностями располагается множество персонажей,—аристократія, деревенскіе дворяне,—много деревенскихъ дворянъ, крѣпостные, дворовые, мужики,—много мужиковъ... Однако, есть въ этой необыкновенно богатой коллекціи и одинъ существенный пробѣлъ: вы напрасно станете искать въ ней «средняго сословія», интеллигента, челоѣка свободныхъ профессій, горожанина,—будь-то чиновникъ на жалованіи, копторщикъ, бухгалтеръ, кассиръ частнаго банка, ремесленникъ, заводскій рабочій, газетный сотрудникъ, технологъ, инженеръ, архитекторъ... Родовитое дворянство въ произведеніяхъ Толстого подаетъ руку мужику черезъ головы людей средняго состоянія, которые въ этомъ богатомъ собраніи персонажей почти отсутствуютъ или являются только мѣлкомъ, безъ существенныхъ особенностей своего положенія, своей психологіи и быта.

Горожанина, какъ такового, и городской жизни, независимой отъ деревни, съ ея особенной самостоятельной ролью въ общей жизни великой страны, не знаетъ художественное вниманіе Толстого. Въ немъ всего устойчивѣе отразились два полюса крѣпостной Россіи: деревенскій дворянинъ и деревенскій мужикъ. Нашего брата, горожанина-разночинца, чья жизнь вращается между этими полюсами, великій художникъ не видитъ, не хочетъ знать и не желаетъ съ ними считаться.

Для Толстого мыслителя и публициста этотъ пробѣлъ имѣлъ очень существенное, почти роковое значеніе.

Толстой говоритъ, что одно время онъ былъ близокъ къ самоубійству. Но вотъ на безрадостномъ распутіи Толстой-художникъ протягиваетъ руку помощи растерявшемуся Толстому-мыслителю, и богатая фантазія возстанавливаетъ передъ нимъ картину новой душевной непосредственности и гармоніи. Онъ спитъ и видитъ сонъ. Песчаная, выжженная пустыня. Кучка невѣдомыхъ людей въ простыхъ одеждахъ древности стоятъ подъ солнечными лучами и ждутъ. Самъ онъ стоитъ вмѣстѣ съ ними, со своимъ теперешнимъ ощущеніемъ духовной жажды, но онъ одѣтъ, какъ они. Онъ тоже простой іудей перваго вѣка, ожидающій въ знойной пустынѣ слова великаго Учителя жизни...

И вотъ Онъ, этотъ Учитель, восходитъ на песчаный холмъ и начинаетъ говорить. Говоритъ онъ простыя слова евангельскаго ученія, и они тотчасъ же водворяютъ свой миръ въ смятенныя и жаждущія души.

Это было. Значитъ, это, прежде всего, можно себѣ представить воображеніемъ. А подвижное и яркое воображеніе великаго художника къ его услугамъ. Онъ самъ стоялъ у холма, самъ видѣлъ Учителя, самъ, вмѣстѣ съ другими іудеями перваго вѣка, испыталъ очарованіе этой божественной проповѣди. Теперь онъ сохранить этотъ душевный строй, въ сферу котораго кинулъ его вѣщій художественный сонъ, и развернетъ его передъ людьми. И это будетъ благодатная новая вѣра Толстого, въ сущности, старая христіанская вѣра, которую нужно

добыть въ Евангеліи изъ-подъ позднѣйшихъ наслоеній, какъ золото изъ-подъ шлака. Толстой читаетъ евангелія, вдумывается въ греческіе тексты Вульгаты, изучаетъ древнееврейскій языкъ... Но это изученіе—не изслѣдованіе объективнаго ученаго, готоваго признать выводы изъ фактовъ, каковы бы они ни оказались. Это страстное стремленіе художника во что бы то ни стало возстановить душевный строй первыхъ христіанъ и гармонію простой, неусложненной христіанской вѣры, которые онъ пережилъ въ воображеніи. Въ то время, когда на него въ вѣщемъ сновидѣніи сошло ощущеніе благодати и покоя, онъ былъ іудеемъ перваго вѣка. Ну, что-жъ,—онъ имъ и останется до конца. Это ему нетрудно: къ услугамъ богатое воображеніе, придающее ему силу дѣятельности. Это во-первыхъ. А во-вторыхъ, къ услугамъ еще и тотъ пробѣлъ въ его художественномъ кругозорѣ, о которомъ мы говорили выше.

Толстой-художникъ знаетъ, чувствуетъ, видитъ только два полюса земледѣльческой Россіи. Его художественный міръ—это міръ богатыхъ Лазарей земледѣльческаго строя и его бѣдныхъ Лазарей. Тутъ есть и добротельные Воозы, и бѣдные Руеи, и неправедные цари, отымающіе у поселанина его виноградникъ, но совсѣмъ нѣтъ ни самостоятельной городской жизни, ни фабрикъ, ни заводовъ, ни капитала, оторваннаго отъ труда, ни труда, лишеннаго не только виноградника, но и собственнаго крова, ни трестовъ, ни союзовъ рабочихъ, ни политическихъ требованій, ни классовой борьбы, ни забастовокъ... Значитъ, ничего этого для единственнаго блага на землѣ—душевной гармоніи—и не нужно. Нужна любовь. Добрый богачъ Воозъ допустилъ бѣдную Руею собирать колосья на своей богатой нивѣ. Вдовица смиренно подбирала колосья... И Богъ устроилъ все ко благу ихъ обоихъ... Нужна любовь, а не союзы и стачки... Пусть всѣ любятъ другъ друга... Не ясно-ли, что тогда рай водворится на этой смятенной землѣ.

Въ этомъ образѣ, который Толстой-художникъ подарилъ Толстому-мыслителю, и въ стремленіи мыслителя развернуть въ

конкретныхъ формахъ навѣянное имъ ощущеніе благодатной душевной гармоніи, приобщивъ къ ней всѣхъ людей, — въ этомъ весь законъ и пророки Толстого-мыслителя и моралиста. Здѣсь его поразительная временами сила и не менѣе поразительная слабость.

Когда среди тяжелой борьбы, порой идущей среди тьмы и тумана, іудей перваго вѣка смотритъ съ пренебрежительной усмѣшкой или съ тяжкимъ упрекомъ на эти усилія, осуждая не только средства, которыя разнообразны, но и цѣли. За которыми люди (а теперь уже массы людей) отдають свою жизнь, — то становится понятнымъ чувство отвѣтной горечи, которое являлось временами по адресу Толстого среди передовыхъ слоевъ борющагося общества и народа... И порой невольно приходитъ въ голову, что только благодаря тому, что Толстой знаетъ, видитъ, чувствуетъ лишь самыя пизы и самыя высоты социальнаго строя,—ему такъ легко требовать «все или ничего», такъ легко отказываться отъ «одностороннихъ» улучшеній, въ родѣ конституціоннаго строя и ограниченія закономъ вѣшняго произвола во всѣхъ его видахъ. Пизы долго страдали и безропотно, смиренно терпѣли... До высотъ, особенно до той высоты на которой стоитъ гениальный художникъ — не можетъ доплеснуть волна никакаго утопическаго.

А намъ, людямъ изъ невѣдомой и негнѣзанной области, намъ нуженъ отъ вѣсны до времени хоть глотокъ сѣжаго бездуха, чтобы не задохнуться...

5.8. 27-го. 1908

Письма Л. Н. Толстого къ Л. Е. Оболенскому.

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ.

Спасибо за присылку выписки, дорогой Леонидъ Егоровичъ. Въ такомъ видѣ, незаконченной, она невозможна. Постараюсь закончить и тогда пришлю вамъ.

Л. Т.

ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ.

Откр. письмо. Почтов. шт.: «6-го апр. 1889. Сергѣевск. пас., Моск. губ.»

Я измѣнилъ все, какъ кажется значительно къ лучшему, но не посылаю, п. ч. некому переписать. Я къ субботѣ буду въ Москвѣ и оттуда на Святой пришлю. Если не успѣеть къ этому №, то не бѣда, въ слѣдующему. *)

ПИСЬМО ОДИННАДЦАТОЕ.

Дорогой Леонидъ Егоровичъ!

Всѣ еще не кончилъ статью, все уясняю, добавляю. Надѣюсь кончить скоро и тогда пришлю. Напишите, пожалуйста, къ какому номеру вы ее готовите.—Еще вотъ что: мой хорошій знакомый Герасимовъ, кандидатъ прошлаго года, написалъ статью о Лермонтовѣ, весьма замѣчательную. Онъ показываетъ въ Лермонтовѣ самыя высокія нравственныя требованія, лежащія подъ скрывающимъ ихъ напущеннымъ байронизмомъ. Статья очень хорошая. Онъ читалъ ее въ психологическомъ обществѣ. Я предложилъ ему напечатать ее у васъ. Онъ согласенъ. Какъ человѣкъ женатый и живущій своимъ трудомъ, гонораръ ему не лишній. 40 руб. за листъ ему обѣщали въ «Трудахъ психол. общества». Впрочемъ, если вы хотите, то напишите прямо ему, Москва, Храмовники № 15, Осипу Петровичу Герасимову. Пожалуйста, вы на меня не сердитесь за то, что я опять задержалъ статью объ искусствѣ. Какая-то странная судьба. А уже какъ хочется быть вамъ пріятнымъ и полезнымъ вашему журналу.

Любящій васъ Л. Толстой.

ПИСЬМО ДВѢНАДЦАТОЕ.

Я получилъ ваше письмо, Леонидъ Егоровичъ, и меня очень огорчило то раздраженіе противъ моего разсказа, кот. я нашелъ въ немъ. **) Мнѣ кажется, что причина этого та, что тамъ сказано, что неправильность и потому бѣдственность половыхъ отношеній

*) Среди бумагъ покойнаго Л. Е. я нашелъ письмо дочери Л. Н., Татьяны Львовны, имѣющее, повидимому, отношеніе къ той же статьѣ, о которой говорится въ письмѣ Л. Н. Оно открытое—слѣдующаго содержанія: «Многоуважаемый Леонидъ Егоровичъ,—если вамъ это не составитъ непріятности, не пришлете-ли вы мнѣ два—три оттиска статьи отца? У насъ не осталось ни одного экземпляра,—кромѣ того вамъ послана послѣдняя редакція ея, кот. мы даже не издали. Очень этимъ обяжете. Татьяна Толстая». Письмо безъ даты, но имѣетъ почтовый штемпель: «Москва, 31-го марта 1889 г.»

Л. Т.

**) Изъ дальнѣйшаго видно, что рѣчь идетъ о „Крейцеровой Сонатѣ“

П. М.

происходить отъ того взгляда, общаго лю-
дямъ нашего міра, что половыя отношенія
есть предметъ наслажденія, удовольствія, и
что потому для мужчины женщина, и надо
бы прибавить для женщины мужчина, есть
орудіе наслажденія и что освобожденіе отъ
неправильности и бѣдственности половыхъ
отношеній будетъ тогда, когда люди пере-
станутъ такъ смотрѣть на это. Такъ думаетъ
П. (Позднышевъ), постаравъ отъ этого раз-
дѣляемаго имъ со всѣми взгляда. При этомъ
прибавлено, что внѣшнее умственное образо-
ваніе женщины, получаемое на курсахъ, не
можетъ достигнуть этой цѣли, какъ многіе
склонны думать, п. ч. никакое самое высо-
кое научное образованіе не можетъ измѣнить
взгляда на этотъ предметъ, такъ какъ и не
задается этой цѣлью. Мнѣ кажется, что я не
ошибаюсь въ этомъ.

скоро помирать, и все чаще и чаще думаю о
жизни въ виду смерти. И потому интересно,
важно для меня одно, это, чтобы не сдѣлать
худого своимъ писаніемъ: не соблазнить, не
оскорбить. Этого я боюсь и надѣюсь, что не
сдѣлалъ. Ну, до свиданья.

Любящій васъ Л. Толстой.

ПИСЬМО ТРИНАДЦАТОЕ.

Леонидъ Егоровичъ!

Посылаю вамъ выдержку изъ письма. Я
просмотрѣлъ ее. Если годится, напечатайте.
Еще посылаю вамъ прекрасную статью одно-
го учителя съ его письмомъ.—Очень радуюсь
тому, что вы надѣетесь провести Бондарева.
Это нужно. Многое хотѣлось бы сказать вамъ
и отъ васъ услышать о томъ женскомъ во-
просѣ, к. занимаетъ васъ. Я началъ б. пи-
сать длинно, да письменно не выскажешь.

Ахъ много
скоро умираю? Вы такъ
и говорите. Дурною привычкою
въ виду смерти. Но я
надеюсь, что вы не
одну, а много людей
мажъ убаво. своимъ
писаніемъ. вы должны
не оскорбить. — Этого
я боюсь и надѣюсь
что вы. Я такъ
бы до свиданья
С любовью
Л. Толстой

Автографъ графа Л. Н. Толстого (12-ое письмо къ Л. Е. Оболенскому).

И потому мнѣ кажется, что вы неправы
въ этомъ,—неправы и въ тѣхъ раздражи-
тельныхъ нападкахъ на рассказчика, пре-
увеличивая его недостатки, тогда какъ по
самому замыслу рассказа Позднышевъ вы-
даетъ себя головой, не только тѣмъ, что онъ
бранить самъ себя (бранить себя легко), но
тѣмъ, что онъ умышленно скрываетъ всѣ
добрыя черты, кот., какъ въ каждомъ чело-
вѣкѣ, должны были быть въ немъ, и, въ
азартъ самоосужденія разоблачая всѣ обыч-
ные самообманы, видитъ въ себѣ одну толь-
ко животную мерзость.

Ну, вотъ, что я имѣю сказать на ваше
письмо. Право, это такъ. И если вы спокойно
обсудите, вы съ вашимъ критическимъ и
нравственнымъ чутьемъ, вѣрно, согласитесь
со мною.

Вѣдь мнѣ достоинства моихъ писаній
и одобреніе ихъ мало интересны. Ужъ мнѣ

Я увѣренъ, что мы съ вами согласились бы
во всемъ, п. ч. въ основахъ согласны. Друже-
ски жму вашу руку.

Л. Т.

Не нашелъ письма учителя. Адресъ его:
Перемышль, Калужск. губ., учитель Воскре-
сенскій. Онъ въ послѣднемъ письмѣ пишетъ,
что боится за нѣкоторыя слишкомъ рѣзкія
выраженія. Если вы найдете статью хоро-
шей и напечатаете, то сами смягчите.

ПИСЬМО ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Посылаю вамъ статью крестьянина-моло-
канина О. Желтова. Я знаю этого Желтова.
Онъ человѣкъ очень хорошій и очень ориги-
нальный по своему развитію—крестьянинъ,
христіанинъ, удержавшій всю нравственную
твердость и вмѣстѣ съ тѣмъ усвоившій ли-
тературный складъ мысли и рѣчи. Въ статьѣ
есть много недостатковъ, но есть и хорошее

настоящее. Сдѣлайте съ нею, что найдете нужнымъ, и войдите съ нимъ въ сношенія по его адресу. Онъ можетъ быть вамъ интереснымъ сотрудникомъ и безъ непріятнаго условія необходимости гонорара (мнѣ кажется). Очень, очень вамъ благодаренъ, дорогой Леонидъ Егоровичъ, за ваше послѣднее письмо. Простите, что не отвѣтилъ. Я отвыкаю совсѣмъ лѣтомъ отъ пера, что дольше живу, то больше и больше сближаюсь съ вами, хотя и не вижу.

Любящій васъ Л. Толстой.

ПИСЬМО ПЯТНАДЦАТОЕ.

Дорогой Леонидъ Егоровичъ!

Вѣрьте, что очень бы хотѣлъ помочь вамъ *), не разбирая, на пользу для васъ эта помощь или нѣтъ, а просто по сердцу хочется сдѣлать то, чего вы желаете, кромѣ того. Правда, что журналъ хорошій и кажется полезный, но, никакъ не могу теперь, сейчасъ. Я не знаю, что будетъ черезъ недѣлю, черезъ день, но рѣдко я бываю въ столь отдаленномъ отъ всякаго писанія состояніи, какъ теперь. Я и имѣлъ въ виду, если напишу что-нибудь художественное, отдать вамъ, и теперь сдѣлаю, если придетъ возможность.

Напишу-ли или не напишу я для васъ, будетъ или не будетъ существовать вашъ журналъ, это не важно: важно то, чтобы съ вами мы любили другъ друга. И затѣмъ я и пишу. Писалъ совсѣмъ другое письмо и вспомнилъ о васъ, оторвался и вотъ написалъ. Такъ, пожалуйста, не то, что не сердитесь, а будьте добры ко мнѣ. Цѣлую васъ.

Л. Толстой.

ПИСЬМО ШЕСТНАДЦАТОЕ.

Какъ грустно, дорогой Леонидъ Егоровичъ, знать, что вы въ такихъ запутанныхъ матеріальныхъ условіяхъ, и главное, что поддаетесь или приписываете имъ важность. Разумѣется, что я очень желаю помочь вамъ, но сомнѣваюсь, чтобы мое писаніе могло это сдѣлать. Сотрудникомъ я не могу быть, а случайно появившаяся у васъ статья едва-ли поможетъ дѣлу журнала. Вознагражденія мои семейные никакого не требуютъ за мои статьи. И даже, скажу вамъ, что жена, прочтя ваше письмо, очень огорчилась и въ первый разъ при этомъ опредѣленно выразила, что она впредь и не желаетъ никакого вознагражденія за мои писанья. Это мнѣ было очень пріятно. Но непріятно, что она огорчилась вашимъ письмомъ. Это я вамъ говорю между нами. Вы не пишите ей и не говорите ничего. Увидитесь съ нею, если Богъ приведетъ, и все будетъ по хорошему.

На вопросы ваши не могу отвѣтить утвердительно. Общать ничего не обещаю. А какъ всякому другому, такъ и вамъ, котораго знаю и люблю, желаю сдѣлать пріятное и, вѣроятно, сдѣлаю, если будетъ возможно.

Л. Толстой.

*) Л. Е. просилъ какой-нибудь беллетристической вещи для «Русск. Бог.» Въ это время матеріальныя дѣла журнала сильно пошатнулись, и Л. Е. рассчитывалъ статьей Толстого поднять подписку.

123

ПИСЬМО СЕМНАДЦАТОЕ.

Откр. письмо. Почт. шт.: «24 I 1899. Москва».

Очень сожалѣю, дорогой Леонидъ Егоровичъ, что не могу исполнить вашего желанія. Я нынѣшнюю зиму такъ заваленъ дѣломъ, к. не успѣваю сдѣлать, что не позволяю себѣ ничѣмъ отвлекаться отъ него. Желаю вамъ всего хорошаго.

Левъ Толстой.

ПИСЬМО ВОСЕМНАДЦАТОЕ.

Почт. шт.: «18 окт. 1892 г. Ясенки *), Тульск. губ.

Закрытое; адресовано въ Одессу: Межеричеру для Л. Е. Оболенскаго.

Очень радъ былъ получить ваше письмо, Леонидъ Егоровичъ, и такое доброе и доброе. Мнѣ очень было грустно узнать, что вы

Божію, это рай, если нѣтъ сомнѣній въ томъ участіи, в. ты призванъ принимать въ этомъ дѣлѣ. Всей душой желаю вамъ этого.

Л. Толстой.

ПИСЬМО ДЕВЯТНАДЦАТОЕ.

Почт. шт.: «9 XII 1892. Москва».

Закрытое; адресовано въ Одессу.

Давно уже лежитъ у меня послѣднее письмо ваше, Леонидъ Егоровичъ, въ числѣ тѣхъ, на к. намѣренъ отвѣтить. Но вотъ прошло больше мѣсяца, и я не удосужился, и теперь едва-ли выскажу, что хотѣлъ. Есть три ступени жизни: 1) для своего животнаго, 2) для славы людской, 3) для Бога. И они всѣ всегда стоятъ на всѣхъ (?) трехъ. И трудно разобрать часто, что дѣлаешь для своего животнаго, что для людей—всякая

Есть три ступени жизни: 1) для своего животнаго, 2) для славы людской, 3) для Бога. И они всѣ всегда стоятъ на всѣхъ (?) трехъ. И трудно разобрать часто, что дѣлаешь для своего животнаго, что для людей—всякая

Автографъ Л. Н. Толстого (19-ое письмо къ Л. Е. Оболенскому).

сердитесь на меня, въ особенности, п. ч. я кромѣ самыхъ добрыхъ чувствъ ничего не испытываю къ вамъ. Если я ничего не могъ отдать въ вашъ журналъ, то не отъ недостатка желанія. Мнѣ такъ хотѣлось напечатать тогда у васъ статью объ искусствѣ, но она не вышла у меня и до сихъ поръ. Очень радъ былъ узнать, что вы устроились въ Одессѣ и довольны своимъ положеніемъ, главное, своимъ состояніемъ духа. Я знаю только два состоянія духа, одно—вся жизнь въ себѣ, для себя это адъ, и другая жизнь—въ служеніи дѣлу

роскошь (?). И еще труднѣе разобраться на двухъ высшихъ ступеняхъ, что дѣлать для людей, что для Бога. Часто оба сливаются и можно только разобрать, кот. преобладаетъ. Важно главное то, чтобы знать, какая ступень ниже, какая выше, и желать всегда стоять на высшей или скорѣе стремиться къ ней. Хороши для этого такія положенія—большую частью они считаются самыми страшными несчастіями—какъ, п. п., носъ (?) провалится, присудятъ къ каторгѣ, всѣ признаки мерзавцевъ (?). Ничто такъ, какъ эти положенія, не помогаетъ освобожденію отъ заботы о славѣ людской.

Л. Толстой.

*) Железнодорожная станція, которая находится въ 7-ми верстахъ отъ извѣстнаго имѣнія гр. Л. Н. Толстого «Ясная Поляна». Теперь эта станція переименована въ «Щадино».

П. М.

НАКАНУНЪ ПРАЗДНИКА РУССКОЙ МЫСЛИ.

(Къ 80-лѣтію Л. Н. Толстого).

Паломничество въ Ясную Поляну.

Какъ намъ сообщаютъ, вчера и сегодня въ Ясную Поляну выѣхало много литераторовъ и публицистовъ, а также прибывшихъ изъ-за границы представителей иностранной прессы. Торжество въ Ясной Полянѣ ожидается большое. Сегодня выѣхали въ Ясную Поляну привѣтствовать маститаго русскаго писателя многие представители московскихъ ученыхъ обществъ.

Въ театрѣ литературно-художественнаго общества день 80-лѣтія Толстого празднуется особымъ спектаклемъ, но... съ вѣшной стороны въ программѣ не будетъ даже упомянуто, по какому случаю 28-го августа состоится этотъ спектакль.

Далѣе, среди живыхъ картинъ предполагалось поставить картину Рѣпина: «Л. Н. на пашнѣ»; сдѣланы были лошадиныя чулчелы и проч..., но картина не появится по «независящимъ обстоятельствамъ».

Администраціи попечительства о народной трезвости предложено не ставить спектакля въ честь Толстого. Въ Таврическомъ саду идетъ драма — «Подъ властью луны»...

Александринка пока молчитъ, но... cum tacent—clamant!..

Исполняя постановленіе главнаго совѣта союза русскаго народа, союзники уже повели агитацію среди мало-развитыхъ рабочихъ о противодѣйствіи празднованію юбилея Толстого. Рабочіе заводовъ за Нарвской заставой намѣревались 28-го августа отслужить въ заводскомъ храмѣ молебенъ о здравіи Л. Н., но, узнавъ, что союзники готовятъ демонстрацію, вынуждены были отказаться. Среди нихъ принято рѣшеніе отправить телеграмму Толстому.

Вчера, вечеромъ, по выходѣ съ заводовъ рабочихъ, союзники агитировали среди нихъ, но успѣха не встрѣтили. Полиція скопленія толпы не допускала. Намъ сообщаютъ, что особенно дѣятельную агитацію союзники ведутъ на фабрикахъ, гдѣ работаютъ преимущественно женщины, но послѣднія энергично спротиваживаютъ агитаторовъ.

Завѣдующимъ повторительными воскресными классами предложено, какъ намъ сообщаютъ, на выборъ или закрыть классы 28-го августа, или заниматься въ толстовскіе дни въ присутствіи полицейскаго чина въ предупрежденіе «разговоровъ».

Петербургскій родительскій кружокъ предполагаетъ посвятить свое первое засѣданіе, 13-го сентября, Толстому. Намѣчено нѣсколько докладовъ.

26-го августа петербургское одонтологическое общество послало въ Ясную Поляну роскошно исполненный привѣтственный адресъ Л. Н. Толстому.

Вечеромъ, 25-го августа, въ рабочемъ клубѣ за Нарвской заставой запрещена лекція А. К. Бороздина о Толстомъ.

(По телеграфу отъ собственныхъ корреспондентовъ).

ВѢНА. Сегодняшній номеръ «Neue Freie Presse», посвященъ юбилею Толстого. Въ немъ помѣщенъ рядъ статей юрифеевъ австрійской литературы.

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ. Городская дума отклонила вопросъ о чествованіи Толстого.

САРАТОВЪ. Губернаторъ заявилъ городскому головѣ, что посылка телеграммы Толстому отъ имени думы незаконна.

СМОЛЕНСКЪ. Вопросъ о чествованіи Толстого въ думѣ обсуждаться не будетъ.

РЪДИНСКЪ. Общественнаго чествованія Толстого въ городѣ по независящимъ обстоятельствамъ не будетъ.

Общее собраніе присяжныхъ повѣренныхъ и помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ г. Кишинева постановило послать Толстому телеграмму, вывѣсить въ помѣщеніи совѣта портретъ великаго писателя, купленный на собранныя деньги; произведенія же Толстого подарить безплатной читальнѣ.

Главнымъ совѣтомъ с. р. н. послана телеграмма тульскому отдѣлу съ предписаніемъ слѣдить за тѣми православными людьми, которые, позволять себѣ открыто чествовать «богоотступника Толстого».

В. В. 27-го Авг. 1908

КИШИНЕВЪ, 26 августа.

Общее собраніе присяжныхъ повѣренныхъ и помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ постановило послать Л. Н. Толстому въ день его юбилея привѣтственную телеграмму, повѣсить въ помѣщеніи совѣта портретъ великаго писателя, купленный на собранныя деньги, подарить безплатно читальнѣ произведенія Л. Н. Толстого.

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ, 26 августа.

На частномъ совѣщаніи городской думы отклонено предложеніе прогрессивныхъ гласныхъ чествовать Л. Н. Толстого. Возражая прогрессистамъ, докторъ Пирскій произнесъ черносотенную рѣчь, покрытую аплодисментами. Дума обсуждать вопроса не будетъ.

СМОЛЕНСКЪ, 26 августа.

Вслѣдствіе отказа губернатора допустить обсужденіе въ думѣ вопроса о чествованіи Толстого, послѣднее не состоится.

Собраніе. Слово 27-го Авг. 1908

Очередной № литератур. прилож. къ „Совр. Сл.“, по случаю юбилея
Л. Н. Толстого, выйдетъ въ четвергъ, 28 августа.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. Портретъ Л. Н. Толстого.	5. Мысли и изреченія Л. Н. Толстого.
2. Свѣточъ челоѣчества	6. Л. Н. Толстой и его ученики (рис.).
3. Въ Ясной Полянѣ.	7. Изъ жизни Л. Н. Толстого.
4. Л. Н. Толстой въ своемъ кабинетѣ (рис.).	8. Мелочи о Толстомъ.

Собран. Слово 27-го Авг. 1908

МОСКВА.

(По телефону).

Къ юбилею Толстого.

Сегодня прибылъ въ Москву на «толстовскій день» американецъ мистеръ Райтъ, личный другъ Л. Н. Толстого, не разъ уже бывавшій въ Ясной Полянѣ. Завтра утромъ онъ выѣзжаетъ въ Ясную Поляну, гдѣ пробудетъ нѣсколько дней.

Здоровье Л. Н. Толстого.

Сегодня газета «Русскія Вѣдомости» помѣщаетъ слѣдующій бюлетень о здоровьи Л. Н. Толстого: 20 и 21 августа у Л. Н. наблюдалась замѣтная слабость и упадокъ силъ, которыя восстанавливаются медленно. 23 августа наблюдалось значительное улучшеніе. Температура и пульсъ нормальны. Воспалительный процессъ уменьшился. Л. Н. находится еще въ постели, но непрерывно работаетъ. Онъ диктуетъ своему секретарю въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Вчера Л. Н. чувствовалъ себя еще лучше: повидимому, онъ окончательно поправляется. Температура нормальна. Опухоль спала».

Собран. Слово 27-го Авг. 1908

Австрийская анкета о гр. Толстомъ.

Въ виду приближающагося юбилея Толстого, вѣнская газета «Die Zeit» обратилась къ цѣлому ряду выдающихся европейскихъ писателей съ просьбою подѣлиться своимъ мнѣніемъ о значеніи Толстого вообще и о вліяніи его на даннаго писателя въ частности. Въ настоящее время «Die Zeit» начала печатать полученные ею отвѣты.

Первой высказалась извѣстная поэтесса румынская королева Елизавета, пишущая подъ псевдонимомъ Кармень-Сильва.

«На меня,—пишетъ Кармень-Сильва,—наибольшее впечатлѣніе произвели мелкіе рассказы Толстого. Въ нихъ поражаетъ удивительная, законченная художественность формы. Но эту сторону Толстовскаго гения мы, читающіе его лишь въ переводѣ, не можемъ вполне оцѣнить, ибо всякій переводъ, какъ бы совершененъ онъ не былъ, невольно искажаетъ слогъ подлинника. Но никакой переводъ не можетъ исказить или хотя бы скрыть внутреннихъ красотъ этихъ маленькихъ рассказовъ Толстого. Здѣсь передъ нами такая глубина чувства, такое глубокое благочестіе, такое страстное томленіе по высшимъ формамъ любви, что эти вещи постоянно вновь перечитываешь, открывая каждый разъ въ нихъ новыя прелести. Эти рассказы Толстого хочется всегда имѣть на ночномъ столикѣ у своей постели, чтобы въ тревожныя безсонныя ночи протянуть къ нимъ руку и забыться въ нихъ.

Меня удивляетъ, что о большихъ произведеніяхъ Толстого говорятъ больше, чѣмъ о маленькихъ рассказахъ. Такіе его рассказы какъ «Два старика», «Сколько человѣку земли нужно» вѣчны, какъ Библия. Передъ нами здѣсь христіанская мораль въ ея самомъ чистомъ и идеальномъ видѣ.

Если бы Толстой написалъ только свои популярныя рассказы, то и тогда бы онъ сталъ великимъ на вѣчныя времена.

Въ противоположность Кармень-Сальвъ графъ Антони наиболѣе высоко ставитъ «Анну Каренину» и «Войну и Миръ». Что же касается религіозныхъ произведеній Толстого, то онъ относится къ нимъ очень сдержанно.

Извѣстная нѣмецкая писательница Елена Кей превозноситъ Толстого какъ художника и отрицательно относится къ его религіозной и философской проповѣди.

Извѣстный австрийскій писатель Петеръ Розеггеръ горячо превозноситъ Толстого за его разоблаченіе нынѣшняго христіанскаго міра. Толстой показалъ,—говоритъ Розеггеръ,—что нынѣшняя культура лишена христіанскаго характера, а нынѣшнее христіанство антикультурно.

Знаменитый нѣмецкій художникъ Францъ Штукъ говоритъ, что на него лично Толстой-моралистъ всегда производилъ болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ Толстой-художникъ.

Самымъ сильнымъ произведеніемъ Толстого, Штукъ считаетъ «Власть тьмы».

Оригинальный отвѣтъ даетъ Ведкинъ. Я считаю,—пишетъ онъ,—«Анну Каренину» самымъ замѣчательнымъ произведеніемъ появившимся въ мировой литературѣ послѣ Донъ-Кихота. Послѣ смерти Ибсена, Толстой остался самымъ великимъ современнымъ писателемъ. Я считаю Толстого единственнымъ въ Россіи достойнымъ человѣкомъ изъ числа несидящихъ въ тюрьмахъ.

Соврем. Слово 27-го апр. 1908

Къ юбилею Л. Н. Толстого.

Телеграмма Л. Н. Толстому отъ города Петербурга.

Согласно порученію городской думы, городской голова Н. А. Рѣзцовъ совместно съ предѣтелемъ комисіи по народному образованію П. А. Потѣхнымъ и кн. М. М. Стасюлевичемъ выработали слѣдующій текстъ телеграммы, которая будетъ послана Льву Николаевичу Толстому въ день 80-лѣтія со дня его рожденія:

«С.-Петербургская городская дума, въ своемъ послѣднемъ передъ лѣтними ваканціями засѣданіи единодушно поручила мнѣ принести вамъ отъ имени города С.-Петербурга горячее поздравленіе въ день наступленія 80-лѣтія вашей жизни, всемірно прославленной великими твореніями въ области отечественнаго слова и посвященной неусыпнымъ личнымъ трудамъ и сердечнымъ заботамъ о просвѣщеніи и благоденствіи младшей братіи. По возобновленіи, послѣ лѣтнихъ ваканцій, собраній городской думы первое засѣданіе будетъ посвящено обсужденію выработанныхъ уже, по порученію думы, предположеній объ украшеніи вашимъ именемъ новыхъ городскихъ учреждений, служащихъ дѣлу народнаго образованія и благотворенія, какъ наиболѣе близкихъ вашему любвеобильному сердцу. Спб. городской голова Н. Рѣзцовъ».

С.-Петербургскій родительскій кружокъ предполагаетъ посвятить свое первое засѣданіе, назначенное на 13 сентября, Л. Н. Толстому. Намѣчено нѣсколько докладовъ: «Л. Н. Толстой и религіозное воспитаніе», «Вопросы обученія въ сочиненіяхъ Л. Н. Толстого» и др..

Въ день юбилея петербургскій родительскій кружокъ поздравляетъ Л. Н. Толстого телеграммой.

26 августа въ экспедицію заготовленія государственныхъ бумагъ явился полиціймейстеръ и заявилъ управляющему, что никакія собранія рабочихъ посвященныя вопросу о чествованіи Л. Н. Толстого допущены быть не могутъ. Рабочіе экспе-

*) Писано 20 мая.

диции рѣшили устроить подписку на посылку Л. Толстому привѣтственной телеграммы, а остатокъ съ собранной суммы отдать на сооруженіе дома-музея.

Соврем. Слово 27-го апр. 1908

„Не вѣлно“.

Всѣ иностранныя газеты пишутъ, что справлять юбилей Толстого „не вѣлно“. Долженъ сознаться, что я совсѣмъ не за „юбилей“ и не за „чествованіе“. Но не потому, что Толстого „не стоило“ бы чествовать, какъ думаютъ тѣ, кто „не велить“, а потому, что его страшно трудно почтить. И совсѣмъ не потому его трудно почтить, что онъ великій. Ибсенъ былъ тоже великій и графъ Цеппелинъ, если угодно, тоже въ своемъ родѣ великій, а почтить ихъ было и есть не трудно. На графа Цеппелина достаточно пожертвовать 50 пфениговъ. Почтить Толстого трудно, потому что даже онъ самъ—и въ этомъ одно изъ его величій!—малъ въ сравненіи съ тѣмъ, куда онъ зоветъ.

„Не вѣлно“ чтить Толстого. Тутъ есть надъ чѣмъ поплакать и посмѣяться, или и то и другое вмѣстѣ.

Позвольте: что это значить—„не вѣлно“?

Очевидно, это у нихъ значить: „не стоить“. Вотъ это и ужасно, и смѣшно. Находятся люди въ Россіи, которые говорятъ о Толстомъ: не стоитъ его чтить. Есть что-то опеломляющее въ этой невѣроятной религиозной тупости. Говорятъ: „Толстой невѣрующій“. Христіане первыхъ вѣковъ, съ трогательной наивностью, сочинили письма язычника Сенеки къ апостолу Павлу. Они понимали, что Сенека, какой онъ ни на есть язычникъ, не можетъ не быть вѣрующимъ. А наши нынѣшніе „христіане“ не желаютъ Толстого считать вѣрующимъ!

Какая религиозная тупость!

Они не понимаютъ, что всякій, въ комъ есть хоть крупица религиознаго чувства и сознанія, долженъ преклониться передъ этимъ старцемъ, который сложилъ къ ногамъ своего Бога все свое богатство—и какое богатство!—свой огромный художественный даръ, отказался отъ такой власти чарованія, которая дается лишь немногимъ въ цѣлыя столѣтія. Пусть это не была жертва и подвигъ для него самого, но во всякомъ случаѣ это было религі-

озное служеніе, какого еще не видалъ міръ.

И такого служителя Бога, такого учителя религіи они не хотятъ признавать, не хотятъ, „не велить“ чтить.

Говорятъ: Толстой „неблагонадежный“, „противогосударственный“ писатель. Если есть „предложенія“, которыя лишены всякаго смысла, такъ какъ подлежащее и сказуемое абсолютно не вяжутся одно съ другимъ, то вотъ вамъ образчикъ такого „предложенія“. Я отнюдь не хочу превозносить Толстого выше мѣры, онъ вовсе не святой человѣкъ, но одѣнывать его по „благонадежности“ или по „государственности“ просто глупо. Есть цѣнности, которыя выше всякаго даннаго государственнаго порядка и выше государства вообще, и съ которыми, поэтому, никакой порядокъ и никакое государство несоизмѣримы. Это цѣнности религіозныя. Сказать, что Толстой, который зоветъ міръ къ выполненію Христовыхъ заповѣдей, „неблагонадежный“—значить то же, что сказать: Христосъ — „неблагонадежный“. Такъ думалъ „Великій Инквизиторъ“ Достоевскаго. Не думаю, чтобы тѣ, кто „не велить“, были „великими инквизиторами“. Не отъ великаго ума и не отъ великаго кощунства родилось это „не вѣлно“, а отъ великой религіозной тупости. Быть можетъ, это не такъ ужасно, какъ признавать кощунство, но это достаточно печально.

„Не вѣлно“. Но вѣдь глаголь „велѣть“ тоже долженъ быть даже сильными міра сего употребляемъ съ извѣстнымъ смысломъ.

Ваше превосходительство, если я вамъ даже дамъ подписку въ томъ, что забуду „Дѣтство и отрочество“, „Севастопольскіе рассказы“, „Войну и миръ“, „Анну Каренину“—не вѣрите мнѣ, ибо я буду лжецъ, глупый и жалкій обманщикъ. Вѣдь не кто иной, какъ самъ Толстой велѣлъ намъ забыть все это—и оказался безсмысленъ. А вы „велите“ намъ забыть и все это, и то еще, что Толстой, ради служенія Богу, отрекся отъ своего искусства, вы „велите“ забыть этотъ огромный, единственный въ міровой исторіи фактъ религіознаго служенія.

Вѣдь это даже страшно. Ибо, въ отличіе отъ Толстого, я думаю, что власть есть важная, великая, необходимая и только въ извращеніи своемъ злая вещь. Но власть имѣющіе должны, по меньшей мѣрѣ, знать смыслъ глаголовъ и не употреблять ихъ въ лишенномъ всякаго человѣческаго смысла сочетаніи. Это есть самое малое, что можно требовать отъ власти.

Эти слова, эти формулы религіозной тупости и культурнаго варварства: „не важно“ и „не стоитъ“ стоятъ у меня въ ушахъ, какъ какое-то національное оскорбленіе, какъ какая-то безысходная нелѣпица.

Неужели такъ въ самомъ дѣлѣ „не вѣлно“ или это иностранныя газеты лгутъ на Россію!?

Петръ Струве.

Лондонъ
21-го августа 1908 г.

— По полученнымъ „Русскими Вѣдомостями“ изъ Ясной Поляны свѣдѣніямъ, **здоровье Л. Н. Толстого** поправляется. Температура нормальная. Опухоль уменьшается. Все же Л. Н. пока еще не покидаетъ постели.

Словъ 27-го Авг. 1908

Здоровье Л. Н. Толстого поправляется.

Словъ 27-го Авг. 1908

Словъ 27-го Авг. 1908

Преславились!

Если бы злѣйшій врагъ Россіи придумалъ, какъ бы сильнѣе навредить Россіи, нанести ей новый нравственный ударъ, въ добавокъ къ тому вѣдшему позору, которымъ одарилъ насъ долговременный бюрократическо-полицейскій произволъ, то ничего пагубнѣе нельзя было бы изобрѣсти, какъ то „честваніе“, которое подготавливается у насъ по поводу 80-лѣтней годовщины рожденія „великаго писателя русской земли“.

Честваніе Льва Толстого, прославляя русскую литературу, напоминало всему міру, что народъ, обладающій такими гениальными писателями, можетъ проиграть войну, подъ вліяніемъ несчастно сложившихся условій, но не можетъ не возродиться съ новыми силами и съ новой славой, обладая величайшимъ въ мірѣ духовнымъ богатствомъ. Здравый политическій расчетъ побуждалъ создать подобное литературное празднество, если бы оно само не явилось къ намъ, угнетеннымъ и разочарованнымъ тяжкими испытаніями и утратами. Въ 1880 г. открытіе памятника Пушкину разомъ освѣжило воздухъ и послужило вѣдмымъ толчкомъ къ преобразовательной дѣятельности и къ обузданію „хищниковъ“. То же могло случиться и въ наши дни; та же истинная, оздоровительная потребность ощущается и теперь. Соединившись со всѣмъ просвѣщеннымъ міромъ въ честваніи великаго русскаго писателя, мы

возвышали свой нравственный авторитетъ и создавали лучшую, миролюбивую, легальную почву для здоровой внутренней жизни.

Разрѣшивъ весной нынѣшняго года всероссійскій съѣздъ представителей печати, главнымъ образомъ, для упорядоченія честваній по поводу 80-лѣтія Льва Толстого, правительство предпрѣшало свои отношенія къ этому знаменательному, рѣдкому въ нашей жизни событію, и какъ бы устанавливало „директиву“ для руководства мѣстныхъ властей.

Но произошло нѣчто невѣроятное и совершенно кесотвѣтственное этимъ ожиданіямъ. Честваніе Толстого послужило лишь поводомъ для учиненія самыхъ грубыхъ неприяностей престарѣлому писателю, привело къ новымъ униженіямъ и безчинствамъ надъ русской литературой и русскими общественными учрежденіями и новымъ проявленіямъ внутренняго хаоса. Собранный въ Кіевѣ миссіонерскій съѣздъ, заявившій себя явнымъ противникомъ новыхъ законовъ о вѣротерпимости и свободѣ совѣсти, создалъ новые поводы къ внутреннему раздору. Съѣздъ этотъ, выказавъ нравственное и умственное безсиліе официальныхъ миссіонеровъ, обнаружилъ, что питомцы Побѣдоносцева ничего не забыли изъ прежняго зла. Не оставили они въ покоѣ ни русской литературы, ни величайшаго русскаго писателя. Для литературы полицейскіе проповѣдники требовали новаго цензурнаго гнета, а Льва Толстого сочли возможнымъ почтить ходатайствомъ о воспрепятствіи честванію его литературной и публицистической дѣятельности.

Даже консервативная часть общества отнеслась отрицательно къ этимъ требованіямъ! Но, къ величайшему удивленію и къ сердечной боли всѣхъ религіозныхъ людей, синодъ не только не счелъ нужнымъ указать миссіонерскому съѣзду, что онъ вмѣшался не въ свое дѣло, но съ рѣдкой консисторіальной поспѣшностью пошелъ навстрѣчу требованію относительно Льва Толстого.

Синодское постановленіе повторило карательную мѣру 1901 года и еще усилило ее, угрожая отлученіемъ отъ церкви всѣмъ, кто любитъ „великаго писателя русской земли“ и желаетъ выразить ему возможное сочувствіе и уваженіе въ день его рожденія, 28-го августа.

Легко угадать, кто выиграетъ и кто проиграетъ отъ этой злобной выходки, чуждой истиннаго христіанскаго духа и самаго обычнаго челоѣколюбія. Многіе, принимая во вниманіе тяжкую болѣзнь престарѣлаго писателя, имѣли намѣреніе отслужить молебень о его здравіи и долгоденствіи, въ годовщину его рожденія. Это было бы для истинно-вѣрующихъ лучшимъ способомъ проявленія ихъ сочувствія къ личности Льва Толстого и вполне отвѣчало бы тому челоѣколюбивому духу, которымъ проникнуты произведенія великаго писателя, трогающія сердца всѣхъ читателей всѣхъ странъ. Но синодальное постановленіе отнимаетъ эту возможность. Мы помолимся о здравіи и долгоденствіи Толстого и въ храмахъ. Мы не послѣдуемъ ни за тѣми іереями, которые въ своемъ озлобленіи возсылали молитвы о скорѣйшемъ исчезновеніи Толстого, ни за тѣми, которые прибѣгали къ ругательствамъ при характеристикѣ гениальнаго нашего соотечественника. Вполнѣ ясно, на чьей сторонѣ будетъ мнѣніе и сочувствіе всѣхъ добрыхъ и просвѣщенныхъ людей.

Синодъ совершилъ бы великій христіанскій и гражданскій подвигъ, если бы по собственному почину назначилъ молебень на 28 августа о здравіи „великаго писателя русской земли“. Сколько свѣта, мира и любви внесло бы это въ нашу общественную среду и въ народное сознаніе. Но питомцы Побѣдоносцева повторили и усилили злобную мѣру реакціонной эпохи. Тѣмъ хуже для нихъ; но, къ сожалѣнію, тѣмъ хуже и для Россіи. Въ ней прибыли новые потоки злобы, розни и невѣжества.

Григорій Градовскій.

Чествованіе И. С. Тургенева.

К а з а н ь. День 22 августа былъ ознаменованъ у насъ литературно-музыкальнымъ вечеромъ изъ произведеній великаго „художника слова“. Къ сожалѣнію, вечеръ этотъ былъ составленъ съ большимъ трудомъ: Казань еще пуста, такъ какъ многія лица еще живутъ на дачахъ или въ своихъ „монрепо“. Въ программу вечера было внесено нѣсколько рассказовъ изъ „Записокъ охотника“ и нѣкоторыя изъ „Стихотвореній въ прозѣ“. Кроме того, была прочѣта его баллада („Передъ воеводой“) — вотъ и вся программа вечера. Вечеръ открылся чтеніемъ рассказа „Пегасъ“, изъ „Записокъ охотника“. Предъ началомъ чтенія, чтецъ — предсѣдатель казанскаго общества любителей изящныхъ искусствъ — объяснилъ, почему именно этимъ рассказомъ открывается вечеръ. Онъ рассказалъ, что „Пегасъ“ былъ подаренъ И. С. Тургеневымъ мѣстному казанскому „литератору-обывателю“ Петру Петровичу Васильеву и первоначально былъ изданъ имъ въ Казани тридцать пять лѣтъ тому назадъ — въ 1873 году. На обложкѣ рассказа, впрочемъ, стоитъ 1874 г., но это лекторъ объяснилъ тѣмъ, что зачастую издатели книгъ, выходящихъ въ концѣ года, выставляютъ новый, наступающій годъ. Далѣе лекторъ упомянулъ, что недавно скончавшійся въ Казани другой мѣстный дѣятель слова — Николай Яковлевичъ Агафоновъ — первый указалъ на первое печатное произведеніе И. С. Тургенева и, по его кончинѣ, издалъ библиографическій указатель всѣхъ его произведеній. Такимъ образомъ были констатированы мѣстныя факты, относящіеся къ литературѣ о Тургеневѣ.

Въ заключеніе скажемъ, что предполагается еще разъ чествовать въ Казани память И. С. Тургенева — 25 октября 1908 г., въ день 90-й годовщины его рожденія, болѣе грандіознымъ вечеромъ, къ которому одинъ изъ талантливыхъ мѣстныхъ писателей обѣщаль приготовить рефератъ: „И. С. Тургеневъ и Л. Н. Толстой въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ“, а другой лекторъ задумалъ рефератъ: „И. С. Тургеневъ и Н. А. Некрасовъ“.

Слѣдъ 27-го. 1908

Къ чествованію Л. Н. Толстого.

Исполняя постановленіе спб. городской думы, городской голова Н. А. Рѣзцовъ, совместно съ председателемъ комисіи по народному образованію гл. П. А. Потѣхнымъ и гласнымъ М. М. Стасюлевичемъ, выработали слѣдующій текстъ поздравительной гр. Л. Н. Толстому телеграммы, которая будетъ послана ему 27 августа.

„Ст. Засѣка. Ясная Поляна. Льву Николаевичу Толстому.

С.-петербургская городская дума, въ своемъ послѣднемъ передъ лѣтними ваканціями засѣданіи, единодушно поручила мнѣ принести вамъ отъ имени города С.-Петербурга горячее поздравленіе въ день наступленія 80-лѣтія вашей жизни, всемірно прославленной великими твореніями въ области отечественнаго слова и посвященной неусыпнымъ личнымъ трудамъ и сердечнымъ заботамъ о просвѣщеніи и благоденствіи младшей братіи.

По возобновленіи послѣ лѣтнихъ ваканцій собраній городской думы первое засѣданіе будетъ посвящено обсужденію выработанныхъ уже по порученію думы, предположеній объ украшеніи вашимъ именемъ новыхъ городскихъ учреждений, служащихъ дѣлу народнаго образованія и благоденствія, какъ наиболѣе близкихъ вашему любвеобильному сердцу.

Глб. городской голова Н. Рѣзцовъ“.

Смело 27-го. 1908

Завѣдующимъ повторительными воскресными классами предложено, какъ намъ сообщаютъ, на выборъ или закрыть классы 28 августа, или заниматься въ толстовскіе дни въ присутствіи полицейскаго чина въ предупрежденіе какихъ-либо разговоровъ.

Вечеромъ 25 августа, въ рабочемъ клубѣ за Нарвской заставой назначена была лекція А. К. Вороздина о Л. Н. Толстомъ.

Послушать лектора собралось довольно много народу, преимущественно изъ рабочего люда. Но за полчаса до начала чтенія лекція неожиданно была запрещена, къ большому огорченію собравшихся.

Въ отвѣтъ на недоумѣніе распорядителей представитель полицейской власти разъяснилъ, что, въ силу полученнаго предписанія, въ теченіе юбилейныхъ дней никакія лекціи и чтенія о литературной и общественной дѣятельности Л. Н. Толстого допущены не будутъ.

Смело 27-го. 1908

Главнымъ совѣтомъ с. р. н. послана телеграмма тульскому отдѣлу съ предписаніемъ слѣдить за тѣми православными людьми, которые, вопреки запрещенію синода, позволяютъ себѣ открыто чествовать „богоотступника Толстого“ и будутъ посѣщать „проклятое мѣсто—Ясную Поляну“ въ день юбилея Л. Н. Толстого.

Смело 27-го. 1908

Телеграммы нашихъ корреспондентовъ.

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ, 26 августа. На частномъ совѣщаніи городской думы отклонено предложеніе прогрессивныхъ гласныхъ чествовать Л. Н. Толстого. Дума обсуждать вопроса не будетъ.

КИШИНЕВЪ, 26 августа. Обще собраніе присяжныхъ повѣренныхъ и помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ постановило послать Л. Н. Толстому въ день его юбилея привѣтственную телеграмму, вывѣсить въ помѣщеніи совѣта портретъ великаго писателя, купленный на собранія деньги; произведенія Л. Н. Толстого подарить бесплатной читальнѣ.

По телефону изъ Москвы.

Литературно-художественный кружокъ отправляетъ Л. Н. Толстому адресъ за подписью всѣхъ членовъ кружка.

— По распространившимся въ Москвѣ слухамъ, имѣющимъ серьезное основаніе, всѣ статьи газетъ въ день юбилея Л. Н. Толстого будутъ подвергнуты предварительной цензурѣ.

„Кіевск. Вѣсти.“ сообщаютъ, что большинство просвѣдательныхъ и нѣкоторыя научныя общества гор. Кіева намѣрены послать Л. Н. Толстому въ день 80-лѣтія его коллективное привѣтствіе по телеграфу. Отъ имени кіевлянъ-почитателей великаго писателя предполагается послать особый адресъ. По оглашеніи текста его предложено будетъ желающимъ подписаться.

28 августа въ народной аудиторіи и въ помѣщеніи т-ва „Просвѣтъ“ будутъ устроены соотвѣтственные чтенія. Кромѣ того, предполагается бесплатная раздача народу книжечекъ о гениальномъ писателѣ и устройство юбилейныхъ спектаклей въ концѣ августа и началѣ сентября.

Среди профессоровъ и служащихъ кіевского политехническаго института возникла мысль ознаменовать юбилей Толстого предоставленіемъ нуждающимся студентамъ права на бесплатное полученіе изъ студенческой столовой 1000 обѣдовъ. Необходимая для этого сумма денегъ собрана.

Херсонъ, — по сообщенію мѣстныхъ газетъ, — дѣятельно готовится къ чествованію Л. Н. Толстого.

Въ александрійской городской думѣ, при обсужденіи вопроса объ ознаменованіи юбилея Льва Николаевича, гласный Тупиковъ горячо доказывалъ „грѣховность“ подобнаго чествованія, называя Толстого „богохульникомъ“, „безбожникомъ“ и „вѣроотступникомъ“, „проклятымъ синодомъ“. Городской голова лишилъ „оратора“ слова и дума, большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ одного, постановила ознаменовать день 80-лѣтія Л. Н. Толстого просвѣдательными начинаніями.

Въ Вологдѣ завѣдующіе редакціями мѣстныхъ газетъ—прогрессивнаго „Сѣвера“ и реакціоннаго „Русскаго Сѣвера“, — вызывались къ вице-губернатору для внушенія, „чтобы въ номерахъ газетъ отъ 28 августа не было допущено статей и замѣтокъ демонстративнаго характера“, связанныхъ съ юбилеемъ Л. Н. Толстого.

Смоленская городская управа, — какъ передаетъ „Смол. В.“, — намѣрена предложить думѣ наименовать одну или 2-хъ классныхъ городскихъ школъ именемъ Л. Н. Толстого и ассигновать известную сумму на выдачу лучшимъ ученикамъ городскихъ училищъ наиболѣе популярныхъ произведеній великаго писателя.

Смело 27-го. 1908

ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Подготовка талантовъ.

Подъ предсѣдательствомъ Н. А. Рѣзцова комиссия при гор. думѣ о чествованіи гр. Л. Н. Толстого, между прочимъ, постановила: „утреждать имени гр. Л. Н. Толстого стипендіи для выдачи наиболѣе способнымъ учащимся городскихъ народныхъ училищъ, для довершенія ими своего общаго образованія въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, съ ассигнованіемъ на этотъ предметъ 1200 руб. въ годъ“.

Болѣе подробные мотивы не напечатаны и, повидимому, уже забыли, что яснополянская школа была школой для всей Россіи. Послѣ освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ въ 1861 году возникало много школъ, но какъ приступить и облегчить обученіе грамотъ мало кто умѣлъ. Школа гр. Толстого въ Ясной Полянѣ научила звуковому методу, отмѣнила зубрежку азбуки и складовъ и ввела разумное и толковое чтеніе складовъ, гласныхъ буквъ съ согласными.

Противу этого новшества, хотя и возставали закоренѣлые педагоги, но этотъ методъ былъ поддержанъ въ морскомъ вѣдомствѣ ген.-адмираломъ Константиномъ Николаевичемъ, а потомъ пропагандировался Столыпинскимъ. Теперь результатъ у всѣхъ на глазахъ, — средній ученикъ 9—10 лѣтъ выучивается читать въ 3—4 мѣсяца, а прежде на это употреблялись года.

Наше духовенство оспаривало звуковой методъ, поддерживало Кирилицу и старалось придать ей толковый смыслъ, но практика взяла свое и имя Л. Н. Толстого невольно связывается съ началомъ правильнаго обученія въ деревенскихъ школахъ.

Толковый смыслъ Кириллицы поддерживался яко бы разумностью азбуки: Азъ, буки, вѣди, глаголь, добро, есть, живете, земля, иже, и, како, люди, мыслете, нашъ, онъ, покой, рцы, слово, твердо и т. д. Въ переводѣ это будетъ: Я буду вѣдать говоръ добро есть жителей земли и какъ люди мыслите, нашъ онъ покой, говори (рцы) слово твердо и т. д. — Но, какъ это толкованіе, такъ и вся Кирилица на столько устарѣли, что мало кто въ нее и вникаетъ.

Н.

Русск. 27-го Авг. 1908

Изъ Москвы.

(ПО ТЕЛЕФОНУ).

26 августа.

Сегодня прибылъ въ Москву на „толстовскій день“ американецъ мистеръ Райтъ, личный другъ Л. Н. Толстого, разъ уже бывшій въ Ясной Полянѣ. Завтра утромъ онъ выѣзжаетъ въ Ясную Поляну, гдѣ пробудетъ нѣсколько дней.

Сегодня „Русск. Вѣд.“ помѣщаютъ слѣдующій бюллетень о здоровьѣ Л. Н. Толстого. 20 и 21 августа у Л. Н. наблюдалась замѣтная слабость и упадокъ силъ, которыя возстаиваются медленно. 23 августа наблюдалось значительное улучшеніе. Температура и пульсъ нормальны. Воспалительный процессъ уменшился. Л. Н. находится въ постели, но непрерывно работаетъ. Онъ диктуетъ своему секретарю въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Вчѣра Л. Н. чувствовалъ себя еще лучше; повидимому онъ окончательно поправляется. Температура нормальна. Опухоль спала.

Русск. 27-го Авг. 1908

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ, 26. Черносотенная дума постановила уклониться отъ чествованія Толстого, какъ анархиста.

Администраціей закрытъ союзъ рабочихъ донецко-юрьевскаго завода.

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ, 26. На частномъ совѣщаніи городской думы отклонено предложеніе прогрессивныхъ гласныхъ чествовать Л. Н. Толстого. Возражая прогрессистамъ, докторъ Пирскій произнесъ черносотенную рѣчь, покрытую

аплодисментами. Дума обсуждать вопроса не будетъ.

КИШИНЕВЪ, 26. Общее собраніе присяжныхъ повѣренныхъ и помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ постановило послать Л. Н. Толстому въ день его юбилея привѣтственную телеграмму, вывѣсить въ помѣщеніи совѣта портретъ великаго писателя, купленный на собранныя деньги. Произведенія Л. Н. Толстого подарить безвозмездно читальнѣ.

Русск. 27-го Авг. 1908

Поездъ юбилеемъ Л. Н. Толстого.

Премьеръ - министръ Н. А. Столыпинъ, какъ мы слышали, запросилъ святѣйшій синодъ о его опредѣленіи по поводу юбилея Л. Н. Толстого. Мы слышали также, что сегодня будетъ разослано циркулярное предписаніе губернаторамъ въ томъ смыслѣ, что препятствія къ чествованію должны быть устранены.

Союзъ русскаго народа выпустилъ картинку, изображающую Л. Н. Толстого съ рѣгами. Его окружаютъ нѣсколько извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей тоже въ видѣ чертей. Подъ изображеніемъ надпись: „Проклятый крамольный писака со сварой своихъ единоплеменниковъ празднуетъ тризну жидовской революціи“. На обратной сторонѣ напечатанъ призывъ къ „истинно“ русскимъ людямъ не праздновать а прогнать богоотступника, котораго церковь прогнала изъ своего лона. Это надѣіе союзники намѣрены раздавать въ день чествованія у церквей.

Русск. 27-го Авг. 1908

ВѢНА. Газета „Zeit“, устроившая толстовскую анкету, сегодня публикуетъ часть полученныхъ отвѣтовъ. Румынская королева, пишущая подъ псевдонимомъ Карменъ Сильва, предполагаетъ, что даже незначительные рассказы Толстого будутъ также вѣчны, какъ Библія. Извѣстный Веджкіндъ считаетъ величайшимъ изъ величайшихъ въ мірѣ романовъ, послѣ Донъ-Кихота, „Анну Каренину“. „Бургъ-театръ“ чествуетъ Толстого въ день его юбилея постановкой передѣлки Анны Карениной.

Русск. 27-го Авг. 1908

Наканунѣ.

Русь 24-Ав. 1808

ВЕЧЕРНЯЯ ГАЗЕТА

Отъ спб. городского управленія городскимъ головой будетъ отправлена привѣтственная телеграмма гр. Л. Н. Толстому слѣдующаго содержания:

«Спб. городская дума на своемъ послѣднемъ передъ лѣтними ваканціями засѣданіи поручила мнѣ принести вамъ отъ города С.-Петербурга горячія поздравленія въ день наступленія 80-лѣтія вашей жизни, всемірно прославленной великими твореніями въ области отечественнаго слова и посвященной неусыпнымъ личнымъ трудамъ и сердечнымъ заботамъ о просвѣщеніи и благоденствіи младшей братіи. По возобновленіи послѣ ваканцій собраній городской думы первое засѣданіе будетъ посвящено обсужденію выработанныхъ уже по порученію думы предположеній объ украшеніи вашимъ именемъ новыхъ городскихъ учрежденій, служащихъ дѣлу народнаго образованія и благотворенія, какъ наиболѣе близкихъ вашему любвеобильному сердцу. Спб. гор. голова Н. А. Рѣзцовъ».

◆ 26 августа состоялось совѣщаніе представителей рабочихъ районовъ по вопросу о чествованіи Л. Н. Толстого. Представители Невского и Выборгскаго районовъ заявили, что большинство заводовъ рѣшили послать юбиляру привѣтственные телеграммы.

Работники табачныхъ фабрикъ рѣшили послать привѣтствіе отдѣльно отъ лица русской женщины.

Группа рабочихъ Невского района послала Л. Н. стальной ножъ для разрѣзыванія бумаги, на которомъ выгравированъ рисунокъ изъ разсказа „Хозяинъ и работникъ“ и надпись: „Рѣжь матку правду“ и подписи рабочихъ.

Профессиональные рабочіе союзы присоединились къ постановленію центральнаго бюро союзовъ, рѣшивъ отмѣтить день юбилея лекціями.

◆ 26 августа с.-петербургское одонтологическое общество послало въ Ясную Поляну Л. Н. Толстому привѣтственный адресъ, роскошно исполненный.

◆ По поводу распространяемыхъ нѣкоторыми газетами слуховъ о покровительствен-

Русс 27-Ав. 1908

Событія дня.

Здоровье Л. Н. Толстого, какъ намъ сообщаютъ, значительно улучшилось. Причина болѣзни—закупорка венъ на ногѣ. Л. Н. купался за двѣ версты отъ своего дома и на обратномъ пути, желая согрѣться, шелъ слишкомъ быстро, отчего и произошла закупорка венъ.

Н.В. 27-Ав. 1908

КЪ ЮБИЛЕЮ ГР. Л. Н. ТОЛСТОГО.

Общество любителей художествъ посылаетъ гр. Л. Н. Толстому по случаю его юбилея альбомъ рисунковъ и акварелей своихъ членовъ и художниковъ. Литературно-художественный кружокъ подноситъ адресъ, подписанный всѣми членами кружка.

Н.В. 27-Ав. 1908

Городскія дѣла.

~~~~ С.-петербургскій городской голова Н. А. Рѣзцовъ сегодня, 27 августа, отсылаетъ гр. Л. Н. Толстому слѣдующую телеграмму: «Ст. Засѣка, Ясная Поляна. С.-петербургская городская дума въ своемъ послѣднемъ передъ лѣтними закаціями засѣданіи единодушно поручила мнѣ принести вамъ отъ имени города С.-Петербурга горячее поздравленіе въ день наступленія восьмидесятилѣтія вашей жизни, всемірно прославленной великими твореніями въ области отечественнаго слова и посвященной неуспыннымъ личнымъ трудамъ и сердечнымъ заботамъ о просвѣщеніи и благоденствіи младшей братіи. По возобновленіи послѣ вакацій собраній городской думы первое засѣданіе будетъ посвящено обсужденію выработанныхъ уже по порученію думы предположеній объ украшеніи вашимъ именемъ новыхъ городскихъ учрежденій, служащихъ дѣлу народнаго образованія и благотворенія, какъ наиболѣе близкихъ вашему любвеобильному сердцу».

Н.В. 27-11. 1908

Къ юбилею Л. Н. Толстого.

ПЕТЕРБУРГЪ. Городской голова совместно съ Потѣхивымъ и Стасюлевицемъ выработали слѣдующій текстъ поздравительной телеграммы Л. Н. Толстому: «Петербургская городская Дума въ своемъ передѣ лѣтними вакаціями собранія единогласно поручила мнѣ принести вамъ отъ имени г. Петербурга горячее поздравленіе въ день 80-лѣтія вашей жизни, прославленной всемірно извѣстными твореніями и посвященной личнымъ трудамъ и сердечнымъ заботамъ о просвѣщеніи и благоденствіи младшаго брата. По возобновленіи послѣ лѣтнихъ вакацій собраній городской Думы первое собраніе будетъ посвящено обсужденію объ украшеніи по порученію Думы вашимъ именемъ новыхъ городскихъ учреждений, служащихъ дѣлу народнаго образованія и благотворенію, какъ наиболѣе близкихъ вашему сердцу». Подписалъ петербургскій городской голова Рѣзцовъ (Корр. «Русск. Вѣд.»).

САРАТОВЪ. Попечитель округа отклонилъ телеграфное ходатайство Думы объ освобожденіи школьниковъ отъ занятій въ день 80-лѣтія Толстого (Корр. «Русск. Вѣд.»).

КОСТРОМА. Совѣтъ старшинъ Общественнаго собранія постановилъ въ день юбилея Толстого послать ему привѣтствіе, учредить городское училище и стипендію имени Толстого (Корр. «Русск. Вѣд.»).

— Какъ передаютъ *Слову*, администраціи типографій Императорскихъ театровъ отдано распоряженіе о томъ, чтобы въ программахъ и афишахъ частныхъ театровъ въ день 80-лѣтія Л. Н. Толстого не упоминалось, что спектакли ставятся по случаю 80-лѣтія графа.

— Комитетъ трудовой группы постановилъ послать 28-го августа привѣтственную телеграмму Л. Н. Толстому, какъ проповѣднику трудового начала надѣленія трудящихся земель, свободы совѣсти и т. д. (*Слово*).

— Администрація попечительства о народной трезвости предложено не ставить спектаклей въ честь Л. Н. Толстого. Въ этотъ вечеръ въ Таврическомъ театрѣ пойдетъ драма «Подъ властью дучны» (*Нов. Русь*).

Рус. Вѣд. 27-го сѣ. 1908

— 25-го августа гр. Л. Н. Толстымъ былъ принятъ членъ международнаго союза печати и редакторъ тифлискихъ изданій *Аибюръ* и *Таразъ* Т. Я. Назарьянъ, явившійся къ писателю представителемъ отъ португальскихъ журналистовъ, избравшихъ Л. Н. почетнымъ членомъ союза португальскихъ писателей. Доведя объ этомъ до свѣдѣнія Л. Н., г. Назарьянъ передалъ ему слѣдующій адресъ на французскомъ языкѣ отъ португальскихъ литераторовъ по случаю исполняющейся восьмидесятой годовщины со дня рожденія:

«Нижеподписавшіеся португальскіе писатели, члены постоянного международнаго литературнаго комитета, исполняя пріятную миссію международнаго согласія и любви, присоединяются отъ всего сердца къ чествованію графа Льва Толстого, признають въ немъ царя современной мысли и привѣтствуютъ съ истиннымъ и искреннимъ энтузіазмомъ достопамятный день его славы. Воодушевленные лучшими чувствами солидарности, они слѣдуютъ за мыслящей Россіей во всѣхъ чествованіяхъ, которыя будутъ оказаны знаменитому писателю и великому мыслителю въ этотъ историческій для всѣхъ работниковъ пера и проповѣдниковъ евангельскихъ мыслей день. Лиссабонъ, 1-го августа, 1908 года». Далѣе слѣдуютъ подписи: писателя и президента португальской академіи наукъ Теофила Брага, литератора, магистра архитектуры, члена международнаго бюро въ Бернѣ Лима, писателя и президента институту Вернадино Махарда, драматурга, председателя совѣта драматическаго искусства Герика Лопе-де-Мондонка, драматурга, президента комитета національнаго центра Іоа-де-Фрейтасъ Бранко, литератора, президента союза португальской печати Абели Вотеаю, председателя союза журналистовъ Альфредо Мескита, президента національной консерваторіи Эдуарда Шубальбаха, директора главнаго бюро союза писателей Аршера-де-Лима и другихъ извѣстныхъ дѣятелей на поприщѣ литературы и искусства. Отъ Аршера-де-Лима было передано Л. Н. написанное къ юбилейному дню стихотвореніе. Л. Н. болѣе получаса бесѣдовалъ съ посѣтившимъ его журналистомъ и затѣмъ передалъ два своихъ портрета съ собственноручной надписью на одномъ: «Au comité international des auteurs Portugais. Leon Tolstoy, 1908, 6 septembre».

Рус. Вѣд. 27-го сѣ. 1908

Feuilleton.

(Nachdruck verboten.)

Tolstois 80. Geburtstag.

1828—28. August 1908.

Ein Gedenkblatt von Friedrich Thieme.

Leo Tolstoi begeht am 10. September, dem 28. August russischen Stils, das Fest seines 80. Geburtstages, einer der Geister, deren Charakterbild von der Parteilichkeit und Haß verwirrt in der Geschichte schwankt. Als einen Propheten, einen neuen Heilsverkünder nehmen ihn die einen, die anderen halten ihn für einen Lören oder Fanatiker. Jedenfalls ist das eine wohl unbestritten: er hat das Beste gewollt! Deshalb begegnen sich auch Freunde und Feinde in demselben Gefühl: in der Bewunderung des Menschen Tolstoi, dessen unerschrockene Wahrheitsliebe, dessen unendliches Mitleid für die Menschheit, dessen strenges Gerechtigkeitsstreben durch Vorbild und Anregung segensreiche Früchte getragen hat. Denn Tolstoi gehört nicht zu denjenigen, die nur andern zu raten wissen und die von ihren Nächsten verlangen, was sie selbst zu leisten nicht willens sind, er selbst gibt das Beispiel der Arbeit und Entfagung, die er verlangte, er lebt nach seiner Ueberzeugung, er ist der erste Schüler seiner eigenen Lehre!

Der vielgenannte russische Denker und Dichter hat jetzt ein Alter von 80 Jahren erreicht. Das ist das Alter, das wir nach der Bibel erreichen, „wenn es hoch kommt“, und nach dem treffenden Spruche unseres Goethe:

„Wirke gut, so wirkst du länger,
Als es Menschen sonst vermögen“,

lebt derjenige am längsten, der am nützlichsten wirkt, demnach hat Tolstoi ein langes Leben gehabt, denn der größte Teil seines Erdenwallens war der Verkündigung der Nächstenliebe und Humanität gewidmet.

klar, daß ich sie vor allem nicht ausplündern darf, wie ich es jetzt tue . . . Je mehr jemand Geld ausgibt, desto mehr ist er müßig, d. h. desto mehr nötigt er andere, für sich zu arbeiten. Je weniger er ausgibt, desto mehr arbeitet er. Für denjenigen, welcher die Leiden der ihn umgebenden Menschen aufrichtig mitempfindet, gibt es ein . . . Mittel . . . zur Heilung des uns umgebenden Übels und zur Erkenntnis der Geseßlichkeit unseres Lebens, daselbe, welches Johannes der Täufer uns gab und Christus bestätigte: nicht mehr als einen Rock zu haben und kein Geld zu besitzen.“

Der im Luxus aufgewachsene Graf zögerte nicht, die Konsequenzen seiner Ueberzeugung zu ziehen. Er überließ sein großes Vermögen seiner Gattin und seinen Kindern, die mit Ausnahme einer Tochter die größten Gegner seiner Ideen waren. Nur diese Tochter bekannte sich zu seinen Anschauungen und schlug den ihr gebührenden Anteil aus. Er selbst lebte fortan als Bauer unter Bauern, spaltete sein Holz selbst, zündete sich selbst das Feuer an, kochte eigenhändig sein Essen, pflanzte und erntete seine Kartoffeln selbst und stellte seine Stiefel selber her. Er ging in Bauerntracht und verbrachte seine Tage in fleißiger Arbeit. Seine Bücher überließ er den Buchhändlern ohne Honorar, damit sie billig in das Volk dringen und Nutzen stiften, aber weder ihn noch seine Verleger bereichern sollten. Nur einmal machte er eine Ausnahme, indem er eins seiner Werke einem Verleger zu dem Zwecke verkaufte, mit dem Erlös die Kosten der Auswanderung einer um ihres Glaubens willen vertriebenen Religionsgemeinde zu bestreiten. In seinen Mußestunden spielte er Schach und Lawn Tennis oder ritt spazieren und übte das Radfahren.

Mag man über Tolstois Art und Weise, seine Ideen an und durch sich selbst zu verwirklichen, lächeln oder sie wenigstens zu weitgehend finden, Mut und sittliche Kraft gehörten jedenfalls dazu, dabei zu beharren, und die Lebensweise eines Sonderlings oder Asketen gegenüber der eigenen anders gesinnten Familie und den ganzen Kreisen und Menschen, mit denen man länger als ein halbes Dasein hindurch

Baltische Post.

Ar ŝaŭsumam Tolŝtojs luhlojas uĵ paŝahwoŝčas ŝabeedriŝlas eefahrtas launumeem un truŝtumeem. Wŝiŝch zeŝ wiŝbahrgaŝo apŝuħdŝibu pret waldoŝcham ŝchŝiram, pee kuraŝm taŝ pat peederejis, tapeħz ŝa taŝ ŝawu waru dibina uĵ tautas iĵmantoŝchannu un apŝpeeŝchannu un pee tam weħl ar ŝawas dŝiħwes peemeħru (ar aiŝoholiŝmu, proŝiituziĵu, naudas ŝaħri n. ĵ.) ŝapoŝta un ŝagiŝtē weenfahrfahrfchās darba tautas tiŝumibu. Un Tol-

stojs ussah! tagad samus nesaudsigos usbru-
 kumus pret wifu waldoscho dsihwes eefahrtu.
 Winich neatfihst ihpafchumu, tur neleela fau-
 jina dsihwo schkeedigâ pahrpilnibâ un
 tauta wahrgit wissbreesmigalâ na-
 badstbas postâ; winich neatfihst pastahwo-
 schos lifumus, kas runajot pretim muhsu
 frdsapfinai; winich noleedi walsti un wehrsch
 sawu kritiku ari pret ofizioso basnizu . . .
 It wifs winam tagadejas zilwezes dsihwê is-
 rahdas fauns un nelahgs, sabojats un sapu-
 wis lihdi paschai ferdei. Ari finatne un
 mahfla neatrod wina azis schelastibu, jo
 pirma wairojot tilai mantigo schkiru waras
 lihdseltus, samehr mahflas raschojumi node-
 rot tilai tam par laifa lawelli un frdsapfi-
 nas eemidfinaschanu . . .

Tolstojs kâ moralists neatfihst neschdus
 kompromisus un sawos slehdjeenos winich eet
 pilnigi lihdi galam: „ja, ja“ un „ne, ne“,
 kas pahri par to, tas ir no fauna. Nelas
 naw weeglat, ka peekertees dascheem Tolstoja
 pahrschlejummeem un paradokseem un tad
 fauft, ka wisa wina kritika esot aplama.
 Wehs waram weenfahrschi atschirt fahmus
 tahdus teizeenus, ka peem. „protoplasmas“,
 „atomu formu, swaigichnu spektrales analises
 ispehtichana“ esot tihree „neeli“, ka Schef-
 spira un Getes raschojumi, Rembrandta
 glefnas un Beethowena musila peekaitanta
 pee „nelahgas un nederigas“ mahflas, un
 woneht mees jajuhtam, kâ Tolstoja bayrgan
 spreedumam ir saws pamats. Ar warenu
 moralistku spehlu zet Tolstojs gaismâ tagade-
 jas sabeedriflas preteschlibas un kâ nepeeluh-
 dsams fogis speesch muhs dot u! tam at-
 bildi. Kâ zirwis sapuwuschâ kotâ drahshas
 Tolstoja noleedsoschâ kritika wifos no waldo-
 scham sabeedriflam aprindam pa neaissteeka-
 meem turetos jehdjeenos un dogmatos.

Tolstoja sabeedriflee un moralistkee ideali
 jau wispahrsch pasihstami. No tagadejas
 fatruhnejuschas „kulturas“ winich grib
 zilwezi wadit atpafat u! pirmatneja ko-
 munisma nesabojato dsihwes weenfahrschibu.
 Un zelsch u! tureeni wed zaur ewangelistku

wiſu peedodoſcho paneſibu un mihleſtibu. Tagadejā ſabeedriba dibinas uſ waru, bet wi-
nas ſpaideem un warmahzibam mehs ne-
drihtſtam ſtahteas ar tahdu pat waru pretim,
mums pazeetigi jauſnem uſ ſewi wiſas pah-
reſtibas un wajaſchanas un ar ſawas tiſu-
miſlas paſchaisleedſibas peemehru japahrwahr
muhſu pretineefus. Tā to praſa Kriſtus
mahziba, un tahds ari eſot — pehz Tolſtoja
domam — weenigais zilwezes atſwabina-
ſchanas zeſſch. Ewangeliſſas pazeetibas un
mihleſtibas preeſſchā paſchi no ſewis iſſlihbēs
iſ roſam warmahzibas eerotſchi, muhſu perſo-
niſſas dſihwes peemehrs labos un atgreēſis
zitus, uu tā zilweze tiſs pee labſlahjibas un
tiſumifſas pilnibas beſ lahdam aſſnainām
zihnām, beſ aſſinigā proletariata taktilas,
kuru Tolſtojs neatſihſt un noſoda.

Tolſtoja ſludinātā „nepretoſchā” ſaunu-
mam” nekad nepahrwarēs un neiſnihbēs ta-
gadejās ſabeedribas ſaunumus. Gadu ſinte-
nus waldoſchās ſchēiras dſirdejuſchās ſchis
mihleſtibas un ſchehlſrdibas ſprediſus un ne-
kad tām nam prahtā nahzis atteiltēes no ſa-
was waras, kundſibas un bagatibas ſawu
lihdszilweſu labā. Kalpinatas zilwezes
waſchās neweens tai labprahtigi nenomēs —
tās tai paſchai jalaufch. Un Tolſtoja
pazeetibas un paneſibas hauſchi war tiſtai
paildſinat tagadejās wehrdſibas poſtu.

Pats Tolſtojs nekad nam warejis apmeeri-
natees ar tahdu ſwietifmu, lahdu wina mah-
ziba zilwezei uſleel. Taiſni wina zilwezes
mihleſtiba to ſludinajuſe uu dſinuſe uſ aktiwu
proteſtu wiſur ſur ween zilweſa teeſibas ſah-
jam tiſuſchās mihtas. Wiſu ſawu rakſtura
ſwaru un eeſpaidu tas ſawu muhſcha beigās
iſleetojis preeſſch tam, lai greeſtu attihſtitas
paſaules wehribu uſ Kreewijā waldoſcheem
apſtahſteem. Winſch eepaſiſhtinajis Giropu ar
Kreewijas badazeeteju poſtu, ar kreewu muſchiku
neapſtaufchamo likteni, ar jeſtantu waja-
ſchanam; winſch uſſtahjees pret militariſmu,
pret meeſas ſoda leetoſchanu, pret wiſam no-
teetoſcham pahreſtibam; wiſeem wehl atminā

wina ſatrizinoſchais ſauzeens. „Newaru wairs
fluſet!” Tolſtoja roſās ſpalwa ir weenmeh
bijuſe greeſigs ſobens. Un tā tad lihds ar to
winſch pats mums rahdiſis, ſa dſihwe nam
un newar buht paſſwa lehnprahtiba un „ne-
pretoſchanas ſaunumam”, bet darbīga ziha
pret tumſibu un ſaunam waram.

Beſ ſawa leela wahſſleneeſa talanta mums
Tolſtojs dahrgs ar ſawu nerimtoſcho pateēſ-
bas melleschanu, ar ſawu zenschanos dſihwi
ſaſſanot ar morali, ar ſawam ilgam pehz
zilwezes laimibas un tiſumifſas pilnibas. Un
tapehz wina jubilejā tar pateizigā atſfinibā
neſis ari wainagu tee, ſa par wahrdſinatās
zilwezes atſwabinaſchanu taro zitadeem lihds-
ſeem neſa to wehlaſ Jaſnajas Boſanas praweetis.

—ns.

Среди газетъ.

* Яркимъ образцомъ сумятицы мыслей, созданной юбилеемъ Толстого, можетъ служить напечатанная въ «Рѣчи» статья г. Мережковского. Въ ней, между прочимъ, говорится слѣдующее:

Л. Толстой дѣлаетъ, не вѣдая. Христа Сына Божьяго не вѣдаетъ, но дѣлаетъ то, чего нельзя дѣлать, или хочетъ того, чего нельзя хотѣть, если Христосъ не Сынъ Божій. Не вѣритъ, но любитъ; умомъ отрицаетъ, сердцемъ утверждаетъ.

Въ моемъ изслѣдованіи „Л. Толстой и Достоевскій“ я старался показать, что религиозное сознаніе Л. Толстого скорѣе буддійское, чѣмъ христіанское, и что въ художественномъ творествѣ онъ „великій язычникъ“, въ самомъ глубокомъ религиозномъ смыслѣ этого слова. Но религиозное язычество есть не что иное, какъ не пресѣтленное, не сознанное христіанство, не пройденный путь ко Христу, откровение Отца, которое предшествуетъ откровенію Сына, Вѣтхій Заѣтъ, какъ чаханіе Новаго;—религиозное язычество на своихъ предѣльныхъ высшихъ точкахъ есть „христіанство до Христа“.

Кажется, къ этимъ именно христіанамъ-язычникамъ, „христіанамъ до Христа“, принадлежитъ и Л. Толстой, если не какъ религиозный учитель, то какъ великій художникъ.

На иконостасахъ древнѣйшихъ русскихъ церквей, рядомъ со святыми и мучениками, находится изображеніе сибиллъ, мудрецовъ, и поговѣе языческой древности, которые, не вѣдая имени Господа, чаяли Его пришествія. Можетъ быть, въ церкви вселенской къ этому сонму древнихъ предтечъ прибавится и Л. Толстой. Вѣдь и онъ, какъ они, очами не видя Христа, сердцемъ къ нему прикоснулся больше многихъ видящихъ.

Но для того, чтобы все это признать и выявить въ сознаніи церкви, нужно нѣчто большее, чѣмъ справедливость, нужна благодать, нужно чудо прозрѣнія. Это-то чудо и не совершилось въ отношеніи православной церкви къ Л. Толстому. А вотъ въ „безбожной“ русской интеллигенціи, такъ же какъ во всемъ человечествѣ, которое празднуетъ юбилей Л. Толстого, это чудо совершается, или готово совершиться. Зрячіе слѣпнутъ, прозрѣваютъ слѣпые. Кто же изъ слѣпыхъ не видитъ, что вселенскій праздникъ Л. Толстого, „не христіанина“, есть все-таки праздникъ вселенскаго христіанства? Кто же изъ насъ не чувствуетъ, что Л. Толстой, нынѣ величайшій изъ людей на землѣ, призналъ бы все свое величіе ничтожествомъ, упалъ бы къ ногамъ Христа,—а такъ преклоняться передъ Сыномъ Человѣческимъ не значитъ ли исповѣдывать Сына Божьяго?

Говорю не отъ себя одного, но и отъ многихъ, для которыхъ такъ же, какъ для меня, вопросъ о церкви есть вопросъ вѣчнаго спасенія или вѣчной гибели, для которыхъ разрывъ съ церковью есть кровавый разрывъ. И вотъ все таки мы говоримъ: если вы отлучили отъ церкви Л. Толстого, то отлучите и насъ всѣхъ, потому что мы съ нимъ, а мы съ нимъ, потому что вѣримъ, что съ нимъ Христосъ.

Отъ такихъ философствованій умъ вскружится; но превратить язычника, хоть бы и «великаго», въ христіанина все таки мудрепо.

* * Въ «Нов. Вр.» г. Ларинъ весьма кстати заговорилъ о «юбилейныхъ мемуарахъ», являющихся настоящей язвой всякихъ юбилеевъ:

У всякаго „великаго человѣка“ непремѣнно есть преданный другъ, который при жизни еще собираетъ общирный матеріалъ для посмертныхъ воспоминаній. У него есть и „записанные разговоры“, и записки, и письма, и „афоризмы“. Все это собирается годами, сортируется и готовится къ печати. Наступаетъ день, когда благодарное отечество празднуетъ юбилей „великаго человѣка“, и тогда извлекается весь накопленный матеріалъ. Если великій человѣкъ живъ, то „другъ“ немного стѣсненъ въ выборѣ, но если онъ умеръ, то все „записанное“ и видѣнное дѣлается достояніемъ журналовъ. Пожинается богатая жатва—долгъ передъ другомъ исполненъ.

По свойству ли человѣческой природы, или потому, что добродѣтель скучна, но „гвоздемъ“ мемуаровъ являются всегда отрицательныя стороны юбиляра. Вѣроятно, на миллионъ читателей найдется одинъ—два, помнящій изъ біографіи Некрасова что либо иное, кромѣ того, что поэтъ былъ картежникъ. „Хорошій былъ поэтъ, но, знаете, какъ человѣкъ, онъ былъ несимпатичный. Въ карты игралъ и выигрывалъ“—если бы онъ проигрывалъ, то память его была бы чиста.

„Глѣбъ Успенскій пилъ запоемъ и умеръ въ белой горячкѣ. И Помяловскій тоже былъ пьяницей“. На этомъ біографія для многихъ прекращается. Вся жизнь „покрыта мракомъ неизвѣстности“, какъ писалось въ старыхъ романахъ.

Да что говорить про простыхъ смертныхъ. У насъ и о Николаѣ Чудотворцѣ знаютъ больше о томъ, что онъ Арія ударилъ, чѣмъ то, что людей спасалъ.

Но среди „великихъ людей“ встрѣчаются такіе недостижимые, жизнь которыхъ лишена „черточекъ“. Тогда на первый планъ выступаетъ другой козырь—„другъ“ сортируетъ весь матеріалъ въ извѣстномъ порядкѣ, отбираетъ „воспоминанія“ лѣваго направленія, затѣмъ приготовляетъ матеріалъ праваго направленія. Работа здѣсь трудная. „Великій человѣкъ“, какъ и всѣ смертные, подверженъ минутнымъ раздраженіямъ; въ этотъ моментъ онъ можетъ сказать то, отъ чего отречется на другой день, но что съ точностью граммофона уже записано у „друга“. Въ счастливый день всѣ журналы выходятъ въ юбилейномъ видѣ и каждый можетъ гордиться, что обладаетъ частичкой „великаго“. Каждому направленію „великій“ симпатизировалъ и всѣмъ служилъ руководящимъ свѣточемъ и недостижимымъ идеаломъ. Всѣ считаютъ его своимъ, всѣмъ онъ „свой“.

Самое лучшее для „великаго“ человѣка это никогда не писать писемъ и забывать сжечь всѣ записки, которыя когда-нибудь и кому-нибудь писалъ. Кромѣ того, ему лучше не довѣряться бы „другу“. Память его была бы чиста, и журналы не имѣли бы возможности къ юбилею преподнести читателю „черточки изъ его жизни“. Какъ бы это было хорошо!

Но можно даже не имѣть „друга“ и держаться мудраго правила не довѣрять своихъ мыслей другимъ—а результатъ получится столь же неутѣшительный. Въ литературномъ мірѣ яркой звѣздой блистаетъ „писатель“, который жилъ на счетъ чужой славы, какъ моллюски на крупной рыбѣ. Это былъ факельщикъ „по первому разряду“, и не только считался „писателемъ“, но и писателемъ съ ярко выраженнымъ направленіемъ. Онъ подбиралъ только письма и воспоминанія извѣстнаго „направленія“ и, печатая статьи Толстого, почему-то подписывался Фаресовъ. Отъ такихъ „лѣтописцевъ“ не уйдешь, и съ ними считались, какъ съ признанной силой.

Вспомнилъ онъ въ юбилейный день Тургенева. Ныѣшніе „факельщики“ куда мельче. Одинъ только и сумѣлъ дать новое слово о Тургеневѣ. Въ „Минувшихъ годахъ“ напечатана длинная статья, оповѣщающая читателей, что И. С. Тургеневъ былъ склоненъ къ анархизму и чуть ли не изъ старческой слабости не бросалъ бомбъ. А все только потому, что Тургеневъ когда то выразилъ симпатію Бакунину.

ТУЛА, 26 августа. Здоровье графа Льва Николаевича Толстого значительно улучшилось; болѣзнь поги прошла, по графъ еще въ постели.

МОСКВА, 26 августа. Открылся съѣздъ начальниковъ службы движенія русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Предсѣдателемъ избранъ Жарничій. *Киевлянинъ 27-го Авг. 1908*

27-го Авг. 1908

Киевлянинъ 27-го Авг. 1908

**Московская гор. дума и чествованіе
Толстого.**

„Нов. Вр.“ сообщаютъ: „Извѣстный инцидентъ между московскимъ городскимъ управленіемъ и администраціей по поводу запрещенія обсуждать въ думѣ и управѣ вопросъ о чествованіи графа Л. Н. Толстого принялъ совершенно новый оборотъ. Городскимъ головой получено отъ администраціи сообщеніе, что вопросъ этотъ былъ снятъ съ очереди передъ юбилеемъ въ видахъ предупрежденія возможности демонстраціи, но что теперь администрація не встрѣчаетъ никакихъ препятствій къ тому, чтобы дума привела въ исполненіе свое вошедшее въ законную силу постановленіе о чествованіи юбилея графа Толстого открытіемъ школы и бібліотеки его имени. Въ засѣданіи городской думы стояло на очереди обсужденіе формальной стороны распоряженія московскаго генераль-губернатора о запрещеніи обсуждать въ думѣ и управѣ вопросъ о чествованіи графа Л. Н. Толстого. Хотя городскимъ головой и было сообщено о послѣдовавшемъ новомъ оборотѣ этого дѣла, тѣмъ не менѣе дума пожелала обсудить вопросъ о законмѣрности сдѣланнаго въ свое время распоряженія въ предѣлахъ предложенія принести жалобу въ сенатъ. Правые, въ лицѣ гласныхъ Шмакова, Воскресенскаго, Лебедева и другихъ, настаивали на томъ, что нѣтъ основаній для принесенія жалобы въ сенатъ, такъ какъ это все равно не будетъ имѣть никакихъ послѣдствій, потому что распоряженіе послѣдовало на основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ, а стало быть было вполне законмѣрнымъ. Наоборотъ, октябристы, кадеты и другіе гласные стояли на томъ, что были нарушены права городской думы, такъ какъ ея постановленіе о чествованіи графа Толстого вошло въ законную силу и не было своевременно опротестовано. Въ результатъ большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ 26 постановлено принести жалобу въ правительствующій сенатъ на распоряженіе московскаго генераль-губернатора объ устраненіи изъ обсужденія собранія городской думы и управы вопроса по поводу чествованія гр. Л. Н. Толстого“.

Русская Миссія Авг. 1908

137

— С.-Петербургское Телеграфное Агентство разослало иностранным газетам опровержение известнаго нашим читателямъ сообщенія *Berliner Tageblatt*. Въ виду сообщенія одной иностранной газеты, будто бы министр-президент Столыпинъ послалъ губернаторамъ циркулярную телеграмму съ особымъ указаніемъ на желательность свободного допущенія чествованія Толстого, С.-Петербургское Телеграфное Агентство устанавливаетъ, что въ такомъ особомъ приказѣ не было никакой надобности, такъ какъ не было никакого основанія предполагать, что губернаторы будутъ препятствовать чествованію Толстого какъ литератора. Было однако издано распоряженіе о недопущеніи въ день его 80-тилѣтія какихъ-либо политическихъ демонстрацій или чествованія Толстого какъ проповѣдника противорѣчныхъ и протавогосударственныхъ идей.

Каждый Рус. Вѣд. №. 1908

— На-дняхъ студентами московскаго университета отправляется привѣтственный адресъ Л. Н. Толстому въ честь 80-й годовщины его рожденія. Въ адресѣ между прочимъ сказано:

„Студенты старѣйшаго русскаго университета, счастливые имѣть среди своихъ современниковъ генія Русской земли, шлютъ вамъ, Л. Н., въ знаменательную годовщину свой восторженный привѣтъ. Разнородные въ своей массѣ по своимъ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ, мы сливаемся въ привѣтствованіи васъ, чародѣя слова, величайшаго мыслителя и моралиста. Вашъ призывъ къ миру и любви, ваша проповѣдь братскаго единенія народовъ въ нашихъ молодыхъ сердцахъ находятъ самый горячій отзвукъ. Въ эти мрачные дни нашей родины при мысли о васъ мы смѣлѣе вѣримъ въ ея свѣтлое будущее. Пусть вашъ могучій голосъ, родной и близкій народу, еще долго и долго будитъ народную совѣсть и указываетъ намъ путь правды и добра“.

Этотъ адресъ не могъ быть отправленъ своевременно за отсутствіемъ подписей подъ нимъ, которыя нельзя было собрать во время лѣтнихъ каникулъ.

Каждый Рус. Вѣд. №. 1908

— Толстовцы, проживающіе въ Якутской области, посылаютъ депутацію въ Ясную Поляну, которая поднесетъ Л. Н. Толстому описаніе жизни толстовцевъ.

Газета Киньвостокъ №. 1908

St. Petersburg. Zur Tolstoi-Feier. Gegenwärtig hat sich die Angelegenheit der Ehrung des Grafen L. N. Tolstoi seitens der St. Petersburger Stadtverwaltung ein wenig kompliziert. Wie nämlich verlautet, ist dem in das Ministerium des Innern zitierten Stadthauptmann N. A. Rjeszow erklärt worden, daß die städtische Tolstoi-Feier unmöglich sei. Das Stadthaupt hat aber bei der Ausarbeitung des Programmentwurfs für diese Feier sich nach dem Beschluß der St. Petersburger Stadtduma gerichtet, der auf der letzten Sitzung vor den Sommerferien gefaßt worden war und gegen diesen Dumaentscheid wurde seinerzeit vom Petersburger Stadthauptmann nicht Protest erhoben, so daß er gegenwärtig gefällige Kraft erlangt hat. Der Text des Glückwunschtelegrammes an den Grafen L. N. Tolstoi zu seinem 80. Geburtstag im Namen der Stadt wird gegenwärtig von dem Stadthaupt gemeinsam mit M. M. Staffulewitsch und B. A. Potjehin ausgearbeitet.

Газета Киньвостокъ №. 1908

Каждый Рус. Вѣд. №. 1908

«Русск. Вѣд.» № 193

— Общее присутствіе городской управы сократило ассигнованіе на открытіе столовыхъ имени Л. Н. Толстого съ 28,800 руб. до 14,400 руб. и на учрежденіе стипендій въ среднихъ и техническихъ учебныхъ заведеніяхъ съ 10,000 до 4,000 руб. Ассигнованіе на стипендіи для довершенія образованія наиболѣе способныхъ учениковъ городскихъ училищъ также уменьшено до 1,200 руб. въ годъ; остальные предложенія комиссій благотворительной и по народному образованію утверждены. Гласный Кривенко предложилъ открыть школу садоводства и огородничества «великаго землероба» Толстого, по предложенію это отклонено (Корр. «Русск. Вѣд.»).

Каждый Рус. Вѣд. №. 1908